

На правах рукописи

БОНДАРЕВА Людмила Михайловна

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ И ТЕКСТОТИПОЛОГИЧЕСКИЕ
ПАРАМЕТРЫ РЕТРОСПЕКТИВНОГО ДИСКУРСА
(НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)**

10.02.04 – Германские языки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Архангельск – 2019

Работа выполнена в федеральном государственном автономном образовательном учреждении высшего образования «Балтийский федеральный университет имени Иммануила Канта»

**Официальные
оппоненты:**

Баева Галина Андреевна,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный университет», кафедра
иностранных языков и лингводидактики,
заведующий кафедрой

Шевченко Вячеслав Дмитриевич,
доктор филологических наук, профессор,
ФГАОУ ВО «Самарский национальный
исследовательский университет имени
академика С.П. Королева», кафедра
английской филологии, заведующий
кафедрой

Ребрина Лариса Николаевна,
доктор филологических наук, доцент,
ФГАОУ ВО «Волгоградский
государственный университет», кафедра
романской и германской филологии,
профессор

Ведущая организация:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Российский государственный
педагогический университет
им. А.И. Герцена»

Защита состоится «02» апреля 2020 года в 13 часов 30 минут на заседании диссертационного совета Д 212.008.09, созданного на базе ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова», по адресу: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, ауд. 1220.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова www.narfu.ru.

Автореферат разослан «___» _____ 2020 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат филологических наук,
доцент

Т. В. Швецова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Реферируемое диссертационное сочинение посвящено исследованию лингвокогнитивных основ структурирования ретроспективного дискурса и интерпретации его языковых особенностей на материале немецкоязычных текстов, формирующихся в пространстве данного типа дискурса.

Актуальность темы обусловлена обращением к проблемам текстовой организации и функционирования отдельно взятого типа немецкоязычного дискурса, в основе делимитации которого лежит определенная совокупность дискурсообразующих лингвокогнитивных и текстотипологических параметров. Логика исследования, направленного на изучение специфики конституирования ретроспективного дискурса как автономного типа дискурса и предполагающего научный анализ особенностей его текстового воплощения, соответствует магистральному направлению развития лингвистического мышления в рамках современной антропоцентрически ориентированной когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Подтверждением **актуальности** работы служит также её междисциплинарный характер, связанный с творческим осмыслением и использованием знаний, полученных в последние десятилетия в области когнитивной лингвистики, теории дискурса, теории текста, семиотики, лингвокультурологии, лингвостилистики, литературоведения, общей и когнитивной психологии, риторики и историографии.

Объектом исследования является ретроспективный дискурс как самостоятельный тип дискурса, обладающий набором специфических способов текстовой репрезентации.

Предмет исследования – виды немецкоязычных текстов, формирующих базовые подтипы ретроспективного дискурса, и особенности языковой реализации в них субстанциальных параметров данного типа дискурса.

В качестве исходной **гипотезы** формулируется идея о существовании структурированной, иерархически организованной системы сущностных признаков немецкоязычного ретроспективного дискурса, подтверждающих его регламентированное положение в совокупном полидискурсивном пространстве и находящихся своё адекватное воплощение в некоем множестве определенных типов текста.

В соответствии с указанной гипотезой **цель** диссертации заключается в установлении автономного статуса ретроспективного дискурса в когнитивно-речевой и коммуникативно-прагматической деятельности человека на основе выявления и анализа релевантных лингвокогнитивных и текстотипологических параметров, актуализация которых осуществляется посредством специфических системных совокупностей языковых элементов, функционирующих в немецкоязычных текстах ретроспективного дискурса.

Достижение цели исследования обеспечивается решением ряда следующих **задач**:

- осуществление аналитического обзора актуальных проблем теории дискурса и принципов типологии дискурса;
- выявление лингвокогнитивных основ порождения и структурирования ретроспективного дискурса;
- рассмотрение особенностей протекания процесса ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической деятельности речевого субъекта в формате немецкоязычного ретроспективного дискурса
- обоснование автономного статуса немецкоязычного ретроспективного дискурса как совокупности определенных жанрово обусловленных типов текста, объединенных рядом общих конституирующих и дифференцирующих признаков;
- установление и научное описание системы конституирующих признаков ретроспективного дискурса с учетом его динамического и статического аспектов;
- систематизация и текстовый анализ дифференцирующих признаков ретроспективного дискурса, реализующихся в условиях существования индивидуально обусловленного и коллективно обусловленного подтипов данного типа дискурса;
- типологизация и интерпретация идентифицирующих признаков ретроспективного дискурса, актуальных для делимитации его индивидуально обусловленного подтипа;
- инвентаризация жанровых разновидностей немецкоязычных текстов, циркулирующих в пространстве ретроспективного дискурса.

Научная новизна исследования определяется рядом следующих моментов:

1. впервые феномен ретроспекции осмысливается в качестве основополагающего фактора, обеспечивающего существование и функционирование отдельно взятого типа дискурса;
2. в научный обиход вводится новое терминологическое понятие «ретроспективный дискурс», толкование которого осуществляется на основе выявления системы конституирующих, дифференцирующих и идентифицирующих признаков данного типа дискурса;
3. устанавливаются лингвокогнитивные основания порождения и структурирования немецкоязычного ретроспективного дискурса, а также закономерности текстообразования в подразумеваемом дискурсивном пространстве;
4. предпринимается научное описание иерархически обусловленной системы субстанциальных признаков немецкоязычного ретроспективного дискурса в его динамическом и статическом аспектах.

Подход к ретроспекции с позиций признания принципиальной дискурсообразующей роли этого феномена в процессе формирования и функционирования отдельно взятого типа дискурса является **новым** этапом на пути изучения ретроспективно ориентированных текстов, которые традиционно служили объектом всестороннего изучения в сфере литературоведения на фоне незначительного числа работ, посвящённых

рассмотрению данной проблемы с позиций лингвистики. Изучение феномена ретроспекции языковедами началось в русле теории текста, где ретроспекция рассматривается либо в качестве одной из ведущих текстовых категорий, либо как вид текста, подразумевающий, в частности, заключение, эпилог, или послесловие, и резюме [Гальперин, 1977, 1980, 1981].

В последующие годы исследование категории ретроспекции осуществлялось в ряде работ на материале художественных текстов [Брускова, 1983; Левченко, 2003; Лифантьева, 2009; Меркулова, 2006; Л. Н. Фёдорова, 1982; Н. В. Фёдорова, 1983] и научных текстов [Антипова, 1988; Чиговская, 2001]. Специальное внимание ученых уделялось также когнитивно-семантическим и лексико-грамматическим особенностям языковых единиц поля памяти, в частности глаголов, в английском и немецком языках [Исхакова, 2009; Ребрина, 2007, 2012; Ревзина, 2006; Рогачёва, 2003; Скоромылова, 2003]. В качестве отдельного модуля процесс воспоминания подвергался рассмотрению в лингвистических работах Н. П. Перфильевой [Перфильева, 2012] и Т. И. Кораблиной [Кораблина, 2016].

Подход лингвистов к ретроспекции как к более объемному понятию, выходящему за рамки теории текста и охватывающему определенные текстовые массивы, обозначился в последние десятилетия, что нашло свое отражение в ряде соответствующих публикаций и научных исследований. В научный обиход вводятся номинации «тексты мемуарного типа» [Бондарева, 1994], «мнемоническое повествование» [Нюбина, 2000], «ретроспективный нарратив» [Тивьяева, 2010; Шейгал, 2007]. При этом ретроспективный нарратив определяется И. В. Тивьяевой как «совокупность текстовых образований различных жанров, сконцентрированных вокруг индивидуального мнемического опыта» [Тивьяева, 2010], а Е. И. Шейгал понимает под ретроспективным нарративом «ядро концепта политика как прецедентной личности», т.е. вид текстов личностного политического нарратива, аккумулирующий в себе осмысление политиком собственного места в истории [Шейгал, 2007].

В условиях наблюдающегося терминологического разночтения вводимое в диссертации научное понятие *ретроспективный дискурс* и его дефиниционная делимитация на основе зафиксированного инвентаря иерархически организованных субстанциальных признаков могут служить отправной точкой для дискурс-анализа всего массива текстов с ретроспективной направленностью. Представленное в работе лингвокогнитивное исследование немецкоязычных текстов, служащих трансляторами коллективной памяти, в едином дискурсивном пространстве наряду с текстами-трансляторами автобиографической памяти способствует формированию **новой** исходной позиции в процессе осмысления сложных взаимосвязей языка и внеязыковой действительности, что полностью вписывается в круг актуальных проблем современной лингвистики.

Теоретико-методологическую базу диссертационного сочинения составили исследования отечественных и зарубежных ученых в области

– когнитивной лингвистики (Н. Ф. Алефиренко, Н. Н. Болдырев, И. С. Бороздина, Б. М. Величковский, Т. А. ван Дейк, А. Д. Кошелев, Е. С. Кубрякова, М. В. Никитин, И. В. Привалова, R. Hönigswald, M. Schwarz), в частности, проблемы концептуализации времени (Н. А. Беседина, Н. А. Дарбанова, З. М. Дударева, М. Г. Лебедько, Д. В. Маховикова, О. Ю. Медведева, Е. А. Нильсен, Ю. Н. Рогачёва, С. А. Чугунова, H. Vater);

– теории дискурса (Н. А. Акименко, В. А. Андреева, Л. В. Архипова, Е. А. Гончарова, Ж. Женетт, В. И. Карасик, А. А. Кибрик, П. Серию, М. В. Сергеева, Н. В. Фёдорова, В. Д. Шевченко, Л. В. Цурикова, В. Е. Чернявская, S. Chatman, U. Japp, W.-A. Liebert, J. Link);

– теории текста (Д. Д. Антипова, О. Л. Каменская, О. И. Москальская);

– общей и когнитивной психологии (Б. М. Величковский, В. В. Знаков, И. С. Кон, Я. Л. Коломинский, А. П. Лобанов, А. Н. Лук);

– психологии памяти, феноменологии памяти и языковой репрезентации категории памяти (Р. Аткинсон, Н. Г. Брагина, Р. С. Исхакова, Фр. Йейтс, В. В. Нуркова, Л. М. Ньюбина, Л. Н. Ребрина, О. Г. Ревзина, П. Рикёр, С. Л. Рубинштейн, Р. Солсо, М. Хальбвакс, О. В. Шаталова, A. Assmann / J. Assmann, J. Bredenkamp / W. Wippich, F. Klix);

– семиотики (Ю. М. Лотман, Ю. С. Степанов, Цв. Тодоров);

– лингвокультурологии (Е. М. Верещагин / В. Г. Костомаров, В. В. Воробьёв, В. В. Красных, Л. Н. Михеева, С. В. Мищенко, С. Г. Тер-Минасова);

– лингвостилистики (Н. А. Богатырёва / Л. А. Ноздрина, Е. А. Гончарова, E. Riesel / E. Schendels);

– литературоведения (М. Арнаудов, В. С. Барахов, Р. Барт, М. М. Бахтин, Л. Гинзбург, К. Hamburger, E. Lämmert, F. K. Stanzel), в том числе в сфере исследований мемуарно-автобиографической литературы (З. А. Алейникова, А. В. Антюхов, С. Машинский, А. Ю. Мережинская, Л. Н. Савина), автобиографии как автономного жанра (A. Babka, M. Beyer-Fröhlich, A. Finck, V. Finney, M. Holdenried, J. Kronsbein, Ph. Lejeune, W. Mahrholz, G. Misch, Kl.-D. Müller, V. Neumann, R. Pascal, H.-R. Picard, M. Wagner-Egelhaaf), биографической литературы (В. Д. Лопатина, И. Я. Жуков, Н. Н. Кузнецов, И. Я. Лосиевский, С. В. Панин, Г. Е. Померанцева, А. А. Сивогривова, A. Dihle, C. Klein, P. Kendall, J. V. Nadel);

– риторики (Н. Н. Кохтев, И. А. Стернин);

– историографии (Г. Ф. Наумова / А. Е. Шикло, O. Nähner, D. Harth, Cl. Kammler, J. Rüsen, C. Uhlig, F. Wolfzettel).

В диссертационном сочинении используются такие **методы** исследования, как метод дискурсивного анализа, элементы когнитивного анализа дискурса, метод контекстуального анализа, метод лингвостилистической интерпретации текста, метод семантического анализа, аналитико-описательный метод, сравнительно-сопоставительный метод, а также полевый принцип научного описания концепта «Память»

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Неотъемлемой составляющей когнитивной деятельности человека является постоянное сопоставление извлекаемых из памяти прошлых знаний с вновь приобретенным опытом, что свидетельствует об онтологически обусловленной ретроспективной направленности познающего сознания. Процесс когнитивной деятельности носит поступательный и ступенчатый характер, поскольку каждое новое знание всегда наслаивается на информацию, приобретаемую человеком в рамках прошлого опыта и откладывающуюся в переработанном виде в его личностной памяти. В ситуации, когда реконструкция знаний о прошлом вербализуется субъектом когниции в виде завершенных текстовых высказываний, следует говорить об актуализации в коммуникативном пространстве ретроспективного типа дискурса.

2. Ретроспективный дискурс представляет собой вид ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической деятельности речевого субъекта, актуализируемый в форме определенных жанрово обусловленных типов текста, фиксирующих реконструируемые факты, события и переживания из личного или чужого прошлого опыта, ретроспективная концептуализация которых в условиях функционирования механизмов автобиографической или коллективной памяти предполагает органический синтез текстовой информации фактуального и фикционального характера.

Ретроспективная ориентация субъекта речевой деятельности в немецкоязычных текстах ретроспективного дискурса означает прямую включенность в процесс семантизации и структурирования данного типа дискурса темпорального фактора, а реконструктивная компонента дискурса зависит от особенностей работы разных видов памяти, вследствие чего лингвокогнитивную основу формирования ретроспективного дискурса составляют процессы концептуализации времени и памяти.

3. Процедура параметризации ретроспективного дискурса включает в себя выявление в формирующих его немецкоязычных текстах обязательных, или конституирующих, признаков данного типа дискурса и дополнительных, альтернативных, или дифференцирующих и идентифицирующих, признаков. Конституирующие признаки ретроспективного дискурса обеспечивают его стабильность и свидетельствуют о проявлении центробежных тенденций, присущих единому пространству любого типа дискурса. При актуализации дифференцирующих и идентифицирующих признаков преобладают центростремительные тенденции, неизбежные при структурировании отдельно взятого типа дискурса как подтверждение факта реальной вариативной множественности его конкретных текстовых реализаций.

4. На основе системы конституирующих признаков осуществляется актуализация неразрывно связанных между собой динамического и статического аспектов ретроспективного дискурса, поддающихся установлению в структурах соответствующих немецкоязычных текстов. При этом динамический аспект ретроспективного дискурса создается такими конституирующими признаками, как ретроспективный характер когнитивной

деятельности речевого субъекта и функционирование различных видов памяти, служащее основой для формирования специфических подтипов данного типа дискурса. Статический аспект подразумевает типологическую амбивалентность и лимитированный характер жанрового репертуара немецкоязычных текстов, циркулирующих в совокупном пространстве ретроспективного дискурса.

5. Функционирование различных видов памяти в качестве первостепенного конституирующего признака ретроспективного дискурса предусматривает перманентность языковой актуализации в немецкоязычных текстах автобиографической или коллективной памяти. Функциональная дифференциация и одновременно онтологическая неразделимость этих видов памяти, сопровождающая процессы концептуализации прошлого опыта, обусловлена характером интеграции реконструируемой действительности в сферу индивидуального сознания субъекта ретроспективной деятельности.

При реконструкции лично пережитого, то есть при прямой, непосредственной интеграции прошлого опыта в сознание когнитивно-речевого субъекта, в процесс порождения ретроспективного дискурса включаются механизмы автобиографической памяти, способствующие структурированию индивидуально обусловленного подтипа данного дискурса. Вхождение в ментальную сферу речевого субъекта информации о чужом прошлом опыте, происходящее опосредованно, то есть путём усвоения и переработки автором текста отдельных фрагментов культурной памяти человечества, приводит к возникновению коллективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса.

6. К дифференцирующим признакам ретроспективного дискурса принадлежат акт самопрезентации речевого субъекта, двухмерность темпорального текстового континуума и синкретический характер языковой картины мира в текстах данного типа дискурса. Системность проявления этих признаков носит константный или флуктуирующий характер, что обусловлено существованием семантической оппозиции «облигаторность проявления признака – флуктуация признака в тексте», исходной для анализа особенностей текстовой реализации дифференцирующих признаков. Облигаторность реализации дифференцирующих признаков присуща текстам индивидуально обусловленного подтипа, в то время как флуктуация этих признаков свидетельствует о принадлежности текстов к коллективно обусловленному подтипу ретроспективного дискурса.

7. Идентифицирующие признаки ретроспективного дискурса, обладающие релевантностью исключительно в условиях формирования индивидуально обусловленного подтипа ретроспективного дискурса, включают в себя репрезентированные в текстах онтологически обусловленное расслоение речевого субъекта и вербализацию концепта «Память». Исходной семантической оппозицией, обеспечивающей возможность выявления этих параметров, служит оппозиция «наличие признака – отсутствие признака в тексте». Это означает, что данные признаки обладают константным характером своей реализации в условиях

одного подтипа, в то время как в условиях второго подтипа их проявление полностью исключено.

Наличие идентифицирующих признаков в текстовой структуре свидетельствует об однозначной соотнесенности идентифицируемого текста со сферой индивидуально обусловленного подтипа ретроспективного дискурса. Отсутствие указанных признаков указывает на прямую принадлежность атрибутируемого текста к коллективно обусловленному подтипу данного типа дискурса.

Материалом исследования послужили нефикциональные и фикциональные немецкоязычные тексты XIX-XX в.в. общим объемом свыше 27 000 страниц, включающие автобиографии (E. Bergner, U. Bräker, E. Canetti, M. von Ebner-Eschenbach, H. Fallada, Th. Fontane, L. Frank, J. W. Goethe, G. Grass, A.-M. Grisebach, G. Hauptmann, E. Kästner, K. F. Klöden, K. Laux, F. Lewald, K. Mann, L. Renn, A. Schnitzler, B. von Suttner, R. Wagner, I. von Wangenheim, E. Wiechert, M. Wieck) и автобиографические рассказы (H. Hesse, A. Miegel, E. Wichert), мемуары (S. Haffner, H. Mann S. Zweig), мемуарные литературные портреты (M. von Ebner-Eschenbach, Th. Fontane, H. Hesse, H. Lorbeer, K. Mann, C.F. Meyer, Th. Storm, E. Strittmatter), записки (L. Feuchtwanger), научно-популярные историографические источники (E. und E. van Borries, H. Eggers, J. Hermand, O. Kämmel, A. и W. Rinsum, R. Schneider, H. Wolfram, W. Zöllner), историко-биографические миниатюры (P. Elgers, O. Flake, C. Hanken, S. Zweig), художественные биографии (L. Harig, P. Härtling, W. Hildesheimer, S. Zweig), сказания (Brüder Grimm), исторические романы (H. Bauer, P. Elgers, L. Feuchtwanger, R. Feyl, B. Frank, E. Ludwig, H. Mann, Th. Mann, Ch. Wolf), а также романы и рассказы с ретроспективной направленностью (F. Fühmann, H. Heine, J. Hermann, H. Hesse, E.T.A. Hoffmann, M. Maron, B. Schlink, M. Walser, Ch. Wolf).

Достоверность и обоснованность основных положений, результатов и выводов, представленных в диссертации, обуславливаются методологией осуществленного исследования, его теоретической базой, включающей в себя 434 научные работы на русском, немецком и английском языках, интерпретацией репрезентативного массива немецкоязычных нефикциональных и фикциональных текстов с ретроспективной направленностью, а также апробацией полученных научных результатов в виде докладов на международных и межвузовских научных конференциях, международных научно-теоретических, научно-практических и научно-методических конференциях (2001 – 2019 г.г.)

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в раскрытии дискурсообразующего потенциала ретроспекции и разработке целостной концепции ретроспективного дискурса, в которой освещаются основополагающие принципы порождения и особенности структурирования данного типа дискурса, а также специфика текстообразования в названном дискурсивном пространстве с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. Научное обоснование вариативного характера деятельности когнитивно-речевого субъекта в

функции реконструктора прошлого опыта, которая регламентируется существованием индивидуально обусловленного и коллективно обусловленного подтипов ретроспективного дискурса, способствует расширению представлений современной лингвистики о влиянии функционального типа языковой личности на речевую актуализацию языковой картины мира в различных видах нефикциональных и фикциональных текстов.

Методология и научные результаты проведенного исследования вносят существенный вклад в развитие общей теории дискурса и понимание процессов структурирования и функционирования отдельных типов дискурса.

Практическая значимость работы состоит в возможности использования представленных в ней результатов анализа языковых особенностей немецкоязычных текстов с ретроспективной направленностью в вузовской практике преподавания учебных дисциплин, связанных с теорией дискурса, проблемами когнитивной лингвистики, стилистикой текста и интерпретацией текста, а также при написании выпускных квалификационных работ бакалавров и магистров, обучающихся по направлению «Лингвистика».

Апробация теоретических положений и результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования представлены в докладах на X и XII съездах Российского союза германистов (Москва, 2012; Калининград, 2014), в докладах на международных научных конференциях «Пелевинские чтения – 2001» (Калининград, 2001), «На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование» (Калининград, 2003), международной конференции, посвященной памяти профессора О.И. Москальской (Москва, 2004), XXXV международной филологической конференции «История зарубежных литератур: национальное, транснациональное, универсальное» (Санкт-Петербург, 2006), международной научной конференции памяти профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс (Москва, 2006), международном конгрессе по когнитивной лингвистике (Тамбов, 2006), международной конференции, посвященной 65-летию факультета лингвистики ВятГГУ (Киров, 2006), международных конференциях «Пелевинские чтения – 2007» (Калининград, 2007), «Человек в пространстве языка» (Вильнюс, 2007), I международной конференции, посвященной 75-летию Астраханского государственного университета (Астрахань, 2007), международных конференциях «Модели в современной науке: единство и многообразие» (Калининград, 2009), «Актуальные проблемы лингвистики XXI века» (Киров, 2010), «Современный немецкий язык в свете проблем прагмалингвистики» (Москва, 2012), межвузовских научных конференциях «Герценовские чтения. Иностранные языки» (Санкт-Петербург, 2003), «Человек и общество в потоке времени и пространстве слова, культуры и просвещения» (Калининград, 2017), международных научно-теоретических, научно-практических и научно-методических конференциях (Тамбов, 2004; Пенза, 2006; Петрозаводск, 2006;

Киров, 2008; Астрахань, 2008, 2011, 2012; Новосибирск, 2012; Знаменск, 2013; Sheffield, 2014; Москва, 2014; Екатеринбург, 2016; Пермь, 2016; Абакан, 2019); в 66 публикациях, 18 из них – в изданиях, включенных в Перечень ВАК; в 4 монографиях – авторской монографии и трех коллективных монографиях, публикация одной из которых осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) в рамках проекта № 07-04-00130а «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Контрастивный анализ данных русского, английского и немецкого языков». Общий объем публикаций составляет 50,5 п.л.

Объем и структура работы. Диссертация объемом 374 страницы состоит из введения, четырех глав, сопровождаемых выводами, заключения, библиографического списка, насчитывающего 434 источника на русском, немецком и английском языках, списка словарей и справочников, списка сокращений, списка источников примеров.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновываются актуальность, научная новизна и теоретическая значимость исследования, освещаются его цели, задачи и теоретико-методологическая база, формулируется исходная гипотеза, определяется материал исследования, излагаются положения, выносимые на защиту.

В главе 1 «Ретроспективный дискурс как объект современных лингвистических исследований» осуществляется аналитический обзор научной литературы по проблемам теории дискурса и соотношения понятий «дискурс» и «текст», указываются существующие принципы подхода к типологии дискурса. В качестве нового терминологического понятия вводится номинация «ретроспективный дискурс», для легитимизации которой рассматриваются лингвокогнитивные основы структурирования данного типа дискурса, обусловленные процессами концептуализации времени и памяти. В специальном разделе формулируются критерии параметризации ретроспективного дискурса, что подразумевает выделение его субстанциальных признаков.

Отмечается, что в последние десятилетия в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистических исследований важная роль принадлежит изучению языковых особенностей различных типов дискурса. В то же время сам базовый термин «дискурс» продолжает сохранять в научной среде определённую амбивалентность, в связи с чем при характеристике дискурса необходимо учитывать специфику взаимодействия данной номинации с таким устоявшимся лингвистическим понятием, как «текст».

На фоне полного или частичного разграничения текста и дискурса, либо их отождествления наиболее убедительной представляется точка зрения, согласно которой дискурс следует рассматривать в качестве комплексного феномена, носящего процессуально-результативный характер, т.е. обладающего динамическим и статическим аспектами. В этом смысле

термины «дискурс» и «текст» находятся в отношениях взаимодополнительности, что предполагает наличие гиперо-гипонимической корреляции «общее – частное», в которой текст (частное) является структурным элементом дискурса, его необходимой составляющей, а дискурс (общее) как единица высшего порядка охватывает потенциально бесконечное количество конкретных текстов.

Важной проблемой в области теории дискурса является осуществление единообразной типологии дискурса в условиях реальной множественности подходов к термину «тип дискурса». В настоящее время чаще всего тип дискурса как устойчивое дискурсивное образование соотносится с традиционно выделяемыми в стилистике функциональными стилями, или стилевыми жанрами, и их подстилями.

Заслуживает внимания тот факт, что типология дискурса может проводиться на основе самых разнообразных признаков и критериев. При акцентуации исследователями только одного релевантного признака в качестве таких критериев могут рассматриваться тональность общения, жанровая специфика соответствующих текстов, фактор национальной самоидентичности, индивидуально-личностные особенности речевого субъекта и пр. Кроме того, внутри каждого отдельного типа дискурса возможно дальнейшее выделение его специфических подтипов.

Продуктивным подходом является делимитация типов дискурса на основе учёта критериев дихотомического характера. В данном русле возникает ряд таких бинарных оппозиций, как «нефикциональный / фикциональный дискурс», «устный / письменный дискурс», «монологический / диалогический дискурс», «статусно ориентированный / лично ориентированный дискурс», «непосредственный / опосредованный (виртуальный) дискурс» и т. д.

Одним из условий формирования различных типов дискурса является непрерывная когнитивная деятельность субъектов познания, связанная с получением информации, знаний, их накоплением, преобразованием, извлечением из памяти и продуктивным использованием в повседневной жизни. Этот процесс носит поступательный и ступенчатый характер, поскольку каждое новое знание всегда наслаивается на информацию, приобретённую человеком ранее в рамках прошлого опыта и отложившуюся в переработанном виде в его личностной памяти.

Постоянное сопоставление извлекаемых из памяти прошлых знаний с вновь приобретённым опытом как неотъемлемая составляющая нашей когнитивной деятельности свидетельствует об онтологически обусловленной *ретроспективной направленности* познающего сознания. В ситуации, когда ретроспективная ориентация субъекта когниции основана на его интенции реконструировать знания о прошлом для их последующей вербализации в виде завершённого текста, следует говорить об акте структурирования такого специфического типа дискурса, как ретроспективный дискурс.

Под *ретроспективным дискурсом* в реферируемом исследовании понимается вид ментально-когнитивной и коммуникативно-прагматической

деятельности речевого субъекта, реализующийся в форме определённых жанрово обусловленных типов текста, фиксирующих реконструированные факты, события и переживания из личного или чужого прошлого опыта, ретроспективная концептуализация которых в условиях функционирования механизмов автобиографической или коллективной памяти предполагает органический синтез текстовой информации фактуального и фикционального характера.

Ретроспективная ориентация субъекта речевой деятельности в текстах ретроспективного дискурса предполагает прямую включённость в ход структурирования данного типа дискурса темпорального фактора, а реконструктивная компонента дискурса обусловлена особенностями функционирования механизма человеческой памяти.

Проявление *темпорального фактора* заключается в том, что лингвокогнитивную основу формирования ретроспективного дискурса составляют процессы концептуализации и категоризации времени, которое, наряду с концептом пространства, относится к числу универсальных понятийных категорий. Характер взаимоотношений между двумя составляющими пространственно-временного континуума трактуется исследователями в аспекте их филогенетической первичности / вторичности.

Наиболее убедительной является интерпретация пространственных представлений как первичных, служащих когнитивной основой для возникновения представлений о времени. Подтверждением правомерности данной точки зрения может считаться факт несомненной объективности и осязаемости локальных параметров в отличие от субъективности и гетерогенности темпоральных признаков, одна часть которых воспринимается нашими органами чувств, т.е. передаётся человеку по основным каналам перцепции, а другая часть может быть сведена к чисто номинальным конвенциональным единицам.

На фоне существующих моделей концептуализации времени целесообразно различать *время объективное*, или естественно-научное, астрономическое, и *время субъективное*, т.е. внутреннее, перцептуальное, зависящее от содержания тех концептов, которыми человек оперирует при осмыслении феномена времени.

Вполне понятно, что в процессе познания темпорального аспекта человеческого бытия наибольшей актуальностью обладает субъективное время как личностная оценка человеком количества времени независимо от атрибутов конкретного события или ситуации. Если для объективного времени характерны прежде всего такие признаки, как однонаправленность, необратимость и одномерность, то субъективное время отличается разнонаправленностью, возвратностью и многомерностью. В итоге время приобретает статус релятивного, аффективно маркированного концепта, который полностью обусловлен спецификой сознания познающего его субъекта.

К основным аспектам осмысления человеком феномена времени относятся понятия прошлого, настоящего и будущего. В контексте

исследования ретроспективного дискурса несомненной релевантностью обладает концепт «Прошлое», находящийся в онтологически обусловленной неразрывной взаимосвязи с концептом «Настоящее», поскольку настоящее в процессе своей реализации постоянно переходит в близкое, а затем далёкое прошлое. Концепт «Прошлое» является, таким образом, ментальным реконструктом отдельных фрагментов пережитой реальной действительности, в которых аккумулируется и репрезентируется приобретённый личностью или обществом опыт в его индивидуальной или коллективной формах.

Способы языковой актуализации концепта «Время» представляют собой систему темпорально маркированных грамматических и неграмматических, т.е. лексических единиц, структурирующих номинативное поле данного концепта. К ядру поля относятся временные глагольные формы, а на периферии располагаются лексические средства темпоральной семантики.

Важным моментом при анализе функционирования элементов поля концепта «Время» служит признание того обстоятельства, что в условиях определённого контекста такие лексические единицы, как существительные, прилагательные, наречия, союзы и предлоги, нередко выступают в качестве основных индикаторов временного аспекта содержания высказывания, а именно в качестве ядерных средств, оттесняющих временные глагольные формы из ядра на периферию.

Помимо темпорального фактора принципиальную значимость в процессе структурирования ретроспективного дискурса имеет его *реконструктивная компонента*, что предполагает извлечение субъектом когнитивной деятельности актуальной информации о прошлом из глубин человеческой памяти для фиксации этой информации в текстовой форме.

В настоящее время общепризнанным является амбивалентный характер памяти, сочетающей в себе статическое и динамическое начала, наличие которых позволяет говорить о семантической неравнозначности таких понятий, как «память» и «воспоминания». В метафорике памяти доминирующими следует считать метафоры локального, или статического, характера «память – кладовая» и «память – восковая табличка» (Н. Weinrich), а также метафоры темпорального, или динамического, характера «память – пробуждение» и «память – оживление» (А. Assmann). При этом необходимо подчеркнуть, что феноменология памяти неразрывно связана с феноменологией забывания, служащего предпосылкой и необходимым конституирующим фактором в процессе сохранения и воспроизведения информации о прошлом.

Разработанные в современной науке виды и модели памяти рассматриваются исследователями в качестве многокомпонентных и многофункциональных структур. Самой известной моделью считается схема Р. Аткинсона – Р. Шифрина, согласно которой память состоит из сенсорного регистра, кратковременного хранилища (оперативная память) и долговременного хранилища.

В долговременной памяти различают эпизодическую и семантическую память. Если семантическая память соотносится с универсальными категориальными знаниями, включающими в себя ментальный, или внутренний, лексикон человека, то эпизодическая, или автобиографическая, память содержит информацию о личном опыте каждого конкретного индивидуума.

Основными признаками *автобиографической памяти* являются селективность, произвольность и творческий характер, связанный с неизбежным присутствием элемента воображения, что свидетельствует о невозможности считать этот вид памяти источником достоверной информации о прошлом при формировании ретроспективного дискурса.

В результате взаимодействия различных видов автобиографической памяти формируется потенциал *коллективной памяти*, служащей залогом преемственности опыта прошлых поколений. Одновременно сама автобиографическая память всегда структурируется в рамках социально-культурного формата, детерминированного соответствующим этапом развития конкретного национального сообщества.

При передаче человечеством собственного прошлого опыта последующим поколениям посредством текста коллективная память трансформируется в культурную память, благодаря чему коллективные знания приобретают автономность и становятся независимыми от своего источника, т.е. социума. Таким образом, текст и литература в целом позволяют человеку зафиксировать и увековечить дела и свершения предков при помощи эстетического структурирования прошлой действительности.

Специфическим видом коллективной памяти является коммуникативная память, которая охватывает воспоминания, релевантные для одного поколения и уходящие вместе с их носителями. Как только воспоминания теряют свою актуальность для членов определённого социума и начинают нуждаться в посредничестве текстов для своей передачи, коммуникативная память переходит в культурную память.

Вербализация концепта «Память» носит национально-специфический и культурно обусловленный характер, однако при всём разнообразии существующих языков речь идёт об определённой системе языковых единиц, структурированной по полювому принципу и обладающей ядерной зоной, а также ближней и дальней перифериями. В частности, в русском, немецком и английском языках в состав ядра входят соответствующие глаголы с семантикой памяти, номинирующие процессы восприятия, хранения, воспроизведения и утраты информации.

В качестве важных носителей культурной памяти человечества выступают тексты, формирующиеся в сфере ретроспективного дискурса. В процессе исследования было установлено, что ретроспективный дискурс обладает развитой системой конституирующих, дифференцирующих и идентифицирующих признаков, что свидетельствует о диалектическом взаимодействии в подразумеваемом семантическом пространстве центростремительных сил, гарантирующих стабильность данного типа

дискурса, и центробежных сил, обеспечивающих возможность вариативности его отдельных подтипов.

Глава 2 «**Конституирующие признаки ретроспективного дискурса**» посвящена интерпретации базовых признаков ретроспективного дискурса, которые находят своё вербализованное воплощение в структуре всех немецкоязычных текстов, циркулирующих в его пространстве. Конституирующие признаки, имеющие облигаторный характер, рассматриваются с учётом существования динамического и статического аспектов, обусловленных гетерогенным характером дискурса и отражающих его процессуальный и результативный характер.

В динамическом аспекте к конституирующим признакам ретроспективного дискурса, отражающим специфику его порождения, относятся ретроспективный характер когнитивной деятельности речевого субъекта и функционирование различных видов памяти как основа формирования индивидуально обусловленного и коллективно обусловленного подтипов данного типа дискурса. Статический аспект, связанный с формой и способами его текстового воплощения, подразумевает типологическую амбивалентность и лимитированный характер жанрового репертуара текстов ретроспективного дискурса.

При рассмотрении *ретроспективного характера когнитивной деятельности речевого субъекта* в исследовании подвергаются специальному анализу в качестве языковых маркеров данного конституирующего признака слова-реалии, соотносящиеся с реконструируемым в тексте конкретным этапом исторической действительности. В определённом контексте эти лексемы способны выполнять функцию единственного индикатора ретроспективного характера повествования.

Слова-реалии обладают богатым прагматическим потенциалом, в связи с чем, исходя из типа читателя, представленного в текстах ретроспективного дискурса, можно говорить о существовании двух основных групп такой лексики.

Первую группу составляют слова-реалии с прагматической импликацией концепта «Прошлое», при употреблении которых осуществляется апелляция автора к личностному тезаурусу «идеального» читателя как определённой читательской идеи, существующей в сознании творческого субъекта.

Во вторую группу входят слова-реалии с прагматической акцентуацией концепта «Прошлое», сопровождающиеся авторским комментарием, ориентированным на «идеального» читателя или непосредственно на фиктивного читателя, который является структурным элементом ретроспективного повествования и способен «вступить» в диалог с автором.

Слова-реалии с прагматической импликацией концепта «Прошлое», относящиеся к первой упомянутой группе, органично интегрированы в реконструируемый социально-культурный контекст, благодаря чему в ретроспективном повествовании возникает соответствующий исторический

колорит. «Идеальный» читатель, обладающий а priori необходимыми фоновыми знаниями, способен однозначно идентифицировать без помощи автора приметы воспроизводимого времени, например:

Über dem Sofa zwischen den Lichtbildern von mir und meiner Frau, die wir als Erwiderung der Silhouetten gesandt hatten, hing eine in Öl gemalte Mondscheinlandschaft (Th. Storm).

На основании данного фрагмента мемуарного литературного портрета «Meine Erinnerungen an Eduard Mörike», созданного Т. Штормом и посвящённого писателю Эдуарду Мёрике, «идеальный» читатель может определить благодаря словам-реалиям *Lichtbilder* и *Silhouetten* (вместо *Fotografien*) не только изображаемый исторический период, но и время написания самих воспоминаний, явно относящихся к середине XIX века.

Особую группу слов-реалий с прагматической импликацией концепта «Прошлое» составляют антропонимы, топонимы и хрононимы, характер употребления которых зависит от их погружённости либо в автобиографическое, личное время субъекта воспоминаний (1), либо в историческое время, реконструируемое в рамках субъективированной повествовательной перспективы (2):

(1) *Im Mai 1913 war alles für die Übersiedlung nach Wien vorbereitet, und wir verließen Manchester (E. Canetti);*

(2) *... gerade das halbe Jahrzehnt aber (1827 bis 32), das ich in Swinemünde verbrachte, brachte ... des Interessanten eine ganze Fülle: die Befreiung Griechenlands, den Russisch-Türkischen Krieg, die Eroberung von Algier, die Juli-Revolution, die Losreißung Belgiens von Holland und die große polnische Insurrektion (Th. Fontane).*

В свою очередь, слова-реалии с прагматической акцентуацией концепта «Прошлое», входящие в состав второй зафиксированной группы слов-реалий, сопровождаются авторским комментарием, который служит для заполнения эвентуальных когнитивных лакун в сознании читателя при отсутствии у него соответствующей пресуппозиции. Передача релевантной информации в комментариях происходит, как правило, в нейтральном стилистическом регистре независимо от жанровой обусловленности текста, как это наблюдается, в частности, в цитируемом ниже фрагменте исторического романа Л. Фейхтвангера «Die Jüdin von Toledo»:

Der große Tag war da, der Tag des Adoubements, der Schwertleite, der Tag, an dem Don Pedro den Ritterschlag erhalten sollte (L. Feuchtwanger).

Следующим конституирующим признаком ретроспективного дискурса, соотносящимся с динамическим аспектом, является *функционирование различных видов памяти* как основа формирования индивидуально обусловленного и коллективно обусловленного подтипов данного типа дискурса. Гетерогенность феномена памяти проявляется в существовании наравне с автобиографической, или личностной, памятью коллективной, или социальной, памяти, а основополагающую роль при дифференциации этих видов памяти играет характер интеграции прошлого опыта в сферу индивидуального сознания субъекта ретроспективной деятельности.

При реконструкции лично пережитого, т.е. при прямой, непосредственной интеграции прошлого опыта в сознание речевого субъекта, в процесс порождения ретроспективного дискурса включаются механизмы автобиографической памяти, способствующие структурированию индивидуально обусловленного подтипа данного дискурса (ИОПРД).

Вхождение в ментальную сферу речевого субъекта информации о чужом прошлом опыте, происходящее опосредованно, т.е. путём усвоения и переработки автором текста отдельных фрагментов культурной памяти человечества, приводит к возникновению коллективно обусловленного подтипа ретроспективного дискурса (КОПРД).

В то время как экспликативные автобиографической памяти относятся к компонентам номинативного поля концепта «Память», которые подвергаются специальному рассмотрению в главе 4 реферируемого исследования, средствами языковой актуализации коллективной памяти служат различные слова-реалии, функционирующие достаточно часто в форме парантез, а также такие элементы интертекстуальности, как цитаты и ссылки на источники соответствующей информации.

В тексте историографического труда Каролины Ханкен «*Vom König geküßt*» о судьбах известных метресс французских королей XVII-XVIII в.в. языковыми маркерами коллективной памяти являются многочисленные цитаты из мемуаров, писем и дневников современников или самих участников реконструируемых в повествовании событий, сопровождающие большую часть утверждений автора. Упоминая, например, причины переезда двора Людовика XIV из Лувра в Версаль, К. Ханкен ссылается на соответствующее мнение герцога Сен-Симона, содержащееся в его мемуарах:

Der Entschluß des Königs war Saint-Simon zufolge zu einem großen Teil auch auf seine Unzufriedenheit mit der Situation in Paris zurückzuführen:

Nicht weniger Anteil an seinem Entschlusse hatte auch seine Mätressenwirtschaft und die Sorge, inmitten einer so großen Bevölkerung zu sehr anzustoßen. Die Menge belästigte ihn ... (К. Ханкен).

Необходимо особо подчеркнуть, что в ретроспективных текстах-носителях культурной памяти фиксируется коллективный опыт, касающийся не только значительных исторических личностей и знаменательных исторических событий, но и обыденных явлений реальной действительности, что обуславливает высокую прагматическую ценность таких текстов. В данном плане источник информации о прошлом не обязательно должен обладать высоким статусом известности или авторитетности, как это можно наблюдать, в частности, в текстах сказаний, легенд и пр., где транслятор или ретранслятор сообщения нередко остаётся анонимным. При указании на подобный источник информации о прошлом в сказаниях «*Deutsche Sagen*», изданных братьями Гримм, употребляются существительные с неопределённым артиклем, неопределённые местоимения, а также словосочетания с семантикой передачи или наличия словесного сообщения, не имеющего конкретного адресанта, напр.:

Etliche sprechen, daß bei Frankenhausen in Thüringen ein Berg liege, darin Kaiser Friedrich seine Wohnung habe ... («Kaiser Friedrich zu Kaiserslautern»);

In der Schweiz hat es im Volk viele Erzählungen von Berggeistern ... («Das Bergmännchen»).

В рамках статического аспекта одним из конституирующих признаков ретроспективного дискурса служит *типологическая амбивалентность текстов*, входящих в состав данного дискурса, что предполагает включённость в пространство ретроспективного дискурса текстов фикционального и нефикционального характера, для которых релевантной является семантическая оппозиция «фактуальность – фикциональность».

В условиях ИОПРД эта оппозиция реализуется в эгоцентрических субъективированных текстах, которым присуща онтологически обусловленная гетерогенность, проявляющаяся в присутствии фикционального элемента в структуре нефикционального в своей основе повествования.

В сфере КОПРД наличие в текстах фикционального элемента предполагается ходом самого процесса познания речевым субъектом чужого, заведомо лично не пережитого коллективного прошлого опыта. Данное обстоятельство отражает проблемный характер взаимоотношений историографии и литературы, являющийся до настоящего времени предметом дискуссий в компетентных научных кругах.

К очередному конституирующему признаку ретроспективного дискурса, обладающему значимостью в статическом аспекте, относится *лимитированный характер жанрового репертуара соответствующих текстов*, который также должен быть рассмотрен с учётом существования двух основных подтипов этого дискурса.

ИОПРД охватывает тексты жанров автобиографии, мемуаров, записок и мемуарного литературного портрета, в то время как КОПРД представлен текстами историографического жанра (научными и научно-популярными), биографического жанра (научными, научно-популярными и художественными), жанра историко-биографических миниатюр, текстами мифологического жанра, включающими мифы, легенды, сказания, и жанра исторического романа.

Одной из основных проблем жанровой дифференциации текстов ИОПРД является делимитация автобиографии и мемуаров, которые многие исследователи причисляют к единому мемуарно-автобиографическому жанру, либо к схожим жанрам пограничного характера.

Жанр автобиографии обладает достаточной автономностью, что проявляется в концентрации автора воспоминаний исключительно на истории собственного «Я» (интровертная ориентация речевого субъекта). Внутри жанра автобиографии существуют, на наш взгляд, две его основные разновидности: собственно автобиография и автобиографические воспоминания, или «эпическая» автобиография. Собственно автобиография реализуется в виде классической автобиографии, а также «редуцированной», или «камерной», автобиографии, традиционно именуемой в немецком

литературоведении «прерванной» автобиографией (*abgebrochene Selbstbiographie*). В рамках «эпической» автобиографии может быть выделен её «фиксированный» вариант, в котором повествование сконцентрировано на отдельном, наиболее актуальном для речевого субъекта событии прошлого, обладающем социальной значимостью.

В жанре мемуаров эгоцентрическое субъективированное ретроспективное повествование лишается известной доли солипсизма, и в фокусе внимания автора оказываются главным образом факты и события прошлой реальной действительности, а также участники этих событий. Личное «Я» повествователя становится необходимым фоном для изображения пережитого им вместе с другими «Я» жизненного опыта (экстравертная ориентация речевого субъекта).

Мемуарный литературный портрет, представляющий собой воспоминания автора о какой-либо известной исторической персоне (писателе, актёре, художнике, политическом деятеле и пр.), характеризуется концентрацией на реконструкции целостного облика портретируемого и служит раскрытию субъективной авторской концепции образа выдающейся личности. Нередко писатели используют в мемуарном литературном портрете приём самообъективации для придания большей значимости и весомости предмету собственного изображения.

Записки могут быть отнесены к жанрам ИОПРД при наличии в них необходимой темпоральной дистанции между моментом свершения и моментом запечатления описываемых фактов, что является смыслополагающим маркером ретроспективного характера повествования. Такие тексты отличаются фрагментарностью, но в целом ориентированы на определённую тематическую сферу. В этом смысле классические записки можно считать темпорально и тематически лимитированной разновидностью «фиксированных» мемуаров.

В рамках текстов второго подтипа ретроспективного дискурса, т.е. текстов КОПРД, речевой субъект воспроизводит факты реальной действительности, имеющие общечеловеческую значимость и не затрагивающие зону его личного прошлого опыта. При этом, с одной стороны, речь идёт о нефикциональных текстах, реализующихся главным образом в историографическом и биографическом жанрах. С другой стороны, важную роль в данной сфере играют фикциональные тексты, относящиеся к жанрам исторического романа, художественной биографии, сказаний. Тем не менее, в обоих случаях имеет место ситуация органического сосуществования в этих текстах элементов фактуального и фикционального.

В главе 3 «**Дифференцирующие признаки ретроспективного дискурса**» рассматривается ряд дополнительных признаков, позволяющих проводить процедуру атрибутирования каждого конкретного текста с ретроспективной направленностью в плане его принадлежности к тому или иному установленному подтипу ретроспективного дискурса. Анализ дифференцирующих параметров проводится на базе исходной семантической

оппозиции «облигаторность проявления признака – флуктуация признака в тексте».

Системность проявления в немецкоязычных ретроспективных текстах ряда дополнительных признаков, свидетельствующих как о дискурсивном родстве ИОПРД и КОПРД, так и о существующей языковой специфике каждого из них, позволяет придать этим параметрам статус дифференцирующих признаков ретроспективного дискурса, которые могут обладать константным или флуктуирующим характером. При этом облигаторность реализации дифференцирующих признаков присуща текстам ИОПРД, в то время как флуктуация этих признаков свидетельствует о принадлежности текстов к КОПРД.

Дифференцирующими признаками ретроспективного дискурса являются акт самопрезентации речевого субъекта, двухмерность темпорального текстового континуума и синкретический характер представленной в этих текстах языковой картины мира.

Акт самопрезентации речевого субъекта предполагает функционирование в ретроспективном повествовании языковых сигналов авторского присутствия, реализующихся в эксплицитной и имплицитной формах. Если в ситуации прямой референциальной соотнесённости таких сигналов с индивидуально-личностным «Я» субъекта воспоминаний речь идёт об эксплицитной форме акта самопрезентации повествователя, то реализация имплицитной формы имеет место в тех фрагментах текста, которые отражают интенционально обусловленное «вторжение» автора в ход ретроспективного повествования на фоне отсутствия каких-либо автономинаций субъекта речевой деятельности.

Ведущим средством реализации эксплицитной формы самопрезентации речевого субъекта в текстах ретроспективного дискурса служат субъектные автономинации, наиболее значимой из которых является личное местоимение 1-го лица единственного числа *ich* как речевое воплощение самой категории субъекта. Как правило, автор заявляет в этой форме о себе в самом начале любого текста, относящегося к ИОПРД. Наглядным примером служит первое предложение автобиографии «Im Vaterhause» немецкой писательницы XIX века Ф. Левальд:

Ich bin am 24. März des Jahres 1811 zu Königsberg in Preußen geboren, und stamme von väterlicher und mütterlicher Seite aus jüdischen Familien ab (F. Lewald).

В качестве вариантов субъектных автономинаций выступают личное местоимение 1-го лица множественного числа *wir* в его эксклюзивной и инклюзивной формах, а также автономинации объективированного характера, представленные неопределённо-личным местоимением *man*, антропонимом автора воспоминаний или референциально соотносящимся с повествователем именем нарицательным. Подобная объективированная автономинация, реализующаяся посредством словосочетания *der anonyme Anfänger*, встречается в воспоминаниях К. Манна «Der Wendepunkt. Ein Lebensbericht», когда писатель в завуалированной форме даёт достаточно

высокую оценку собственным трудам, описывая реакцию издателя журнала, которому он анонимно послал свои первые статьи:

Überraschenderweise fand er [издатель – Л. Б.] in den lyrisch-analytischen Skizzen des anonymen Anfängers irgend etwas, das ihn aufhorchen ließ ... (К. Mann).

Что касается имплицитной формы акта самопрезентации речевого субъекта, то она предполагает наличие в ретроспективном тексте любого рода авторских отступлений, нарушающих семантическую целостность повествования.

К подобным маркерам «скрытого» авторского присутствия в тексте относятся рассуждения общепhilosophического или нравоучительного характера, апелляция к фиктивному читателю, парентетические включения различной семантики, содержащие модальную лексику, эмоционально-оценочные языковые единицы, лексику и синтаксические конструкции обиходно-разговорного стиля, вопросительные и восклицательные предложения, фрагменты автодиалога. Проиллюстрируем данный тезис соответствующим фрагментом из историографического труда Г. Вольфрама «Die Germanen», в котором функционируют маркеры субъективной модальности и парентетическое включение, содержащее слово-вопрос:

Wohl eher im September oder Oktober als im Juli oder August 9 n. Chr. brach Varus an der Spitze von drei, obgleich nicht vollzähligen Legionen ... auf, um noch vor dem Beziehen der Winterlager am Rhein den (fingierten?) Aufstand eines entfernten Volkes niederzuschlagen (H. Wolfram).

Следующим дифференцирующим признаком ретроспективного дискурса является онтологически обусловленная *двухмерность темпорального текстового континуума*, поскольку само осуществление ретроспективной деятельности возможно лишь при условии наличия временной дистанцированности речевого субъекта от реконструируемого им прошлого опыта.

Важную роль в экспликации данного признака играет грамматическая оппозиция глагольных форм прошедшего и настоящего времени, как правило, повествовательного претерита и презенса, которая наблюдается в каждом текстовом фрагменте, где повествователь «вмешивается» из своего актуального настоящего, соответствующего моменту текстопорождения, в мир изображаемого прошлого. Такая ситуация представлена, в частности, в следующих эпизодах историко-биографической миниатюры немецкого писателя О. Флаке «Die sieben Nichten Mazarins», в которых ось настоящего времени чётко маркирует «сиюминутную» позицию автора, нарушающего темпоральную гомогенность претеритального повествования в процессе реконструкции событий французской истории периода царствования Людовика XIV:

Man darf vermuten, daß der jungen Olympia die Erregungen der Eifersucht nicht unbekannt waren und daß sie eine gewisse Angst, zu spät zu kommen, empfand (O. Flake);

Wir wenden uns der zweiten Gruppe zu: Olympia, Maria und Ortensia. Ihre Abenteuer hielten Europa in Atem (Ibid.).

Если в текстах ИОПРД темпоральная полифония носит, согласно выявленным закономерностям, константный характер, то в текстах, относящихся к КОПРД, флуктуация этого признака происходит в том случае, если повествование о прошлом строится на основе использования классического эпического претерита. При этом обращает на себя внимание тот факт, что достаточно часто в немецкоязычных художественных биографиях, а также в историографических текстах повествование ведётся в форме презенса, что способствует нивелированию в рамках указанных жанров факта проявления двухмерности темпорального текстового континуума.

Синкретический характер языковой картины мира в анализируемых текстах как очередной дифференцирующий признак ретроспективного дискурса является логическим следствием наличия в этих текстах двух темпоральных планов, каждый из которых обладает собственной обусловленностью. Претеритальный план отражает особенности «миросостояния» в авторской интерпретации в реконструируемый период прошлого (картина мира (КМ) – 2), а в плане презенса фиксируется специфика мировосприятия речевого субъекта в момент текстопроизводства (картина мира (КМ) - 1).

Основными лексическими актуализаторами синкретизма языковой картины мира в текстах ретроспективного дискурса служат наречия *damals* и *heute* в генерализирующем значении. В качестве синонимов к данной ядерной оппозиции выступают её варианты *damals – heutzutage / jetzt / in späteren Jahren, einst / in (zu) jener Zeit – heute* и т. д., а также оппозиции, членами которых могут являться производные от базовых наречий прилагательные *der damalige – der heutige / der jetzige*, указательные местоимения *jener - dieser* и их индивидуально-авторские модификации различного рода. Обратимся в данной связи к тексту автобиографии Т. Фонтане «*Meine Kinderjahre. Autobiographischer Roman*», где представлена лексико-семантическая оппозиция *während jener Jahre (КМ-2) – hier (КМ-1)*:

... während jener Jahre, von denen ich hier zu erzählen habe, war der alte Schöneberg ... der reichste Mann der Stadt ... (Th. Fontane).

Для существования семантической оппозиции *damals – heute*, способствующей акцентуации в текстах ИОПРД противопоставления двух языковых картин мира, нередко оказывается достаточно наличия в ретроспективном повествовании лексического маркера только одного временного плана. Второй темпоральный план может быть эксплицирован чисто грамматическими средствами, т.е. глагольной формой претерита или презенса.

Упомянутая семантическая оппозиция сохраняется в исследованных текстах даже в ситуации отсутствия грамматической оппозиции глагольных форм презенса и претерита при условии функционирования в претеритальном плане повествования любого лексического темпорального маркера

ретроспективного характера, соотносящегося с прошлой картиной мира, или, напротив, языкового маркера актуальной для речевого субъекта картины мира. Так, в одном из фрагментов автобиографических воспоминаний Л. Ренна «Anstöße in meinem Leben» транспонирование «нынешнего» мировосприятия субъекта воспоминаний (КМ-1) в мир пережитых ощущений (КМ-2) происходит в результате внедрения в претеритальный план повествования прилагательного *heutig*:

Bald erfüllten mich das Interesse an meinen Rekruten und meine Sorge um sie in einem solchen Maße, daß ich an nichts mehr dachte als an sie ... In meiner heutigen Sprache ausgedrückt, erlebte ich die helfende Solidarität, die mich selbst hob ... (L. Renn).

Акцентуация принципиальных различий между мирами прошлого и настоящего и, соответственно, между характером их восприятия субъектом познания может иметь место и в ходе сравнения этих миров в рамках языковых конструкций, содержащих местоимение *andere* / наречие *anders*, что не требует дополнительного использования каких-либо темпоральных маркеров.

При реализации феномена синкретизма языковой картины мира в историографических текстах, относящихся к сфере КОПРД, флуктуирующими экспликаторами актуальной для речевого субъекта картины мира достаточно часто служат препозитивные и постпозитивные парентетические включения, внедряющиеся в претеритальный план повествования и представляющие собой авторский «перевод» непонятных для современного читателя номинаций, которые референциально соотносятся с изображаемой прошлой действительностью. В качестве примера можно упомянуть фрагмент историографического труда О. Кеммеля «Sächsische Geschichte», в котором содержится подобный постпозитивный авторский комментарий этимологического характера:

Nur die Reste des slawischen Adels rückten als Shupane (КМ-2) (Dorfvorsteher und Schöffen (КМ-1)) und Witjasen (КМ-2) (von vitjas, Held, aus dem deutschen witing, erhalten in Personennamen wie Weithas (КМ-1)) mit Lehen ausgestattet in die Stellung deutscher Ministerialen ein (О. Kaemmel).

Структура и семантика парентетических включений, сопровождающих такие номинации, зависят от индивидуальных когнитивных особенностей автора и его коммуникативно-прагматической установки. Однако характерно, что в подавляющем большинстве случаев подразумеваемые языковые маркеры функционируют не в постпозиции, а в препозиции по отношению к номинациям понятий, явлений и предметов как носителей информации о реконструируемой картине мира.

Данное обстоятельство объясняется интенцией речевого субъекта сделать излагаемые сведения о прошлой действительности максимально доступными для читателей, обладающих иной, современной языковой картиной мира и, соответственно, иным мировосприятием. Подобная речевая стратегия повествователя направлена на предупреждение возникновения

темпорально обусловленных языковых лакун при восприятии текста его адресатами, напр.:

Die römische Regierung schloß mit einem bestimmten Germanenvolk einen Vertrag (KM-1), *foedus* (KM-2) ... (H. Wolfram).

В целом совершенно очевидно, что в процитированных текстовых фрагментах, иллюстрирующих синкретизм языковой картины мира как дифференцирующий признак ретроспективного дискурса, наблюдается языковая ситуация, имеющая место в текстах с ретроспективной направленностью при функционировании в них слов-реалий с прагматической акцентуацией концепта «Прошлое».

Глава 4 «**Идентифицирующие признаки ретроспективного дискурса**» отражает результаты интерпретации очередной группы дополнительных признаков ретроспективного дискурса, которые дают возможность осуществления однозначной идентификации одного из двух выявленных дискурсивных подтипов в качестве такового, в результате чего делимитация второго подтипа может быть произведена автоматически «методом исключения». Это означает, что данные признаки обладают константным характером своего проявления в условиях одного подтипа, в то время как в семантическом пространстве второго подтипа их текстовая реализация полностью исключена. В основе подобного подхода к анализу текстового материала лежит исходная семантическая оппозиция «наличие признака – отсутствие признака в тексте».

К идентифицирующим признакам, релевантным в рамках вышеуказанной оппозиции только для ИОПРД, относятся представленные в подразумеваемых текстах онтологически обусловленное расслоение речевого субъекта и вербализация концепта «Память». Наличие этих признаков в тексте позволяет идентифицировать каждый текст подобного рода в качестве органического элемента пространства ИОПРД, а отсутствие указанных признаков в тексте с ретроспективной направленностью свидетельствует о его несомненной принадлежности к сфере КОПРД. Такое положение дел обусловлено фактом принципиальной разнородности видов памяти, лежащих в основе порождения обоих подтипов ретроспективного дискурса, а именно автобиографической памяти как основы структурирования ИОПРД и коллективной памяти, на которой базируются тексты КОПРД.

Онтологически обусловленное расслоение речевого субъекта, являющееся показательным идентифицирующим признаком ИОПРД, свидетельствует о том, что повествователь в период фиксации воспоминаний о своём более раннем «Я» находится в иной фазе личностного развития и, соответственно, в иной системе индивидуальных локально-темпоральных координат. Расстояние между «Я» настоящим и «Я» прошлым автора является вариативной величиной, зависящей от давности протекания описываемых событий, т.е. от глубины погружения субъекта воспоминаний в реконструируемую действительность.

В рамках ИОПРД семантическая неоднородность речевого субъекта позволяет говорить о наличии в соответствующих текстах позиций субъекта-

реконструктора и субъекта-реконструктора. Если под субъектом-реконструктором подразумевается аутентичная личность писателя, интегрирующего прошлый опыт с точки зрения своего актуального авторского «Я», то субъект-реконструктор выступает в качестве объекта ретроспективной когнитивной деятельности автора как его прежнее, более молодое «Я», погружённое в различные временные периоды и, в силу данного обстоятельства, также отличающееся определённой множественностью вариантов своей текстовой реализации.

Актуализация указанного расслоения речевого субъекта осуществляется в текстах ИОПРД в двух темпоральных плоскостях, формирующихся в условиях двухмерности темпорального текстового континуума как второго дифференцирующего признака ретроспективного дискурса. При этом субъект-реконструктор (ich-2) референциально соотносится с претеритальным, т.е. событийным планом воссоздаваемого прошлого, а на оси презенса эксплицируются разнообразные виды ментально-когнитивной деятельности субъекта-реконструктора (ich-1). Основным актуализатором расслоения субъекта воспоминаний становится, таким образом, грамматическая оппозиция глагольных форм настоящего и прошедшего времени.

О факте разнородности не только субъекта-реконструктора и субъекта-реконструктора, но и самого субъекта-реконструктора в разные временные периоды (ich-2/1 и ich-2/2) может свидетельствовать фрагмент из «камерной» автобиографии Э. Вихерта «Wälder und Menschen. Eine Jugend»:

Ich (ich -1) weiß nicht, wann Stolz, Seligkeit und Zweifel größer gewesen sein mögen, ob in der Stunde, als ich (ich-2/1) die Handschrift meines ersten Romans beendete, oder in dem Augenblick, als ich (ich-2/2) meine erste Geige unter das Kinn hob ... (E. Wiechert).

Следующим идентифицирующим признаком ИОПРД является зафиксированная в исследованных текстах *вербализация концепта «Память»*, обладающего полевой структурой.

Экспликаторами **ядерной зоны** номинативного поля концепта «Память» служат базовые существительные *Gedächtnis* и *Erinnerung*, на основе которых при образном осмыслении писателями их референтов возникают многообразные окказиональные метафоры. Эти метафоры следует рассматривать в качестве репрезентантов интерпретационной зоны поля концепта, где в целом можно выделить такие семантические группы, как «память – одушевлённое существо», «память – объект / предмет», «воспоминание – одушевлённое существо», «воспоминание – объект / предмет».

Любопытные авторские метафоры «воспоминание – густой напиток» и «узелок с воспоминаниями» встречаются в цитируемых ниже фрагментах романа-ретроспективы Б. Шлинка «Der Vorleser», в которых повествователь вспоминает о своих взаимоотношениях с отцом и о годах обучения в школе и университете:

Heute denke ich gerne an das Gespräch mit meinem Vater zurück. Ich hatte es vergessen, bis ich nach seinem Tod begann, im Bodensatz der Erinnerung nach schönen Begegnungen, Erlebnissen und Erfahrungen mit ihm zu suchen (B. Schlink);

Ich habe die letzten Jahre auf der Schule und die ersten auf der Universität als glückliche Jahre in Erinnerung ... Alles fiel mir leicht, alles wog leicht. Vielleicht ist das Erinnerungspäckchen deshalb so klein (Ibid.).

Помимо существительных *Gedächtnis* и *Erinnerung* в качестве экспликаторов ядерной зоны номинативного поля концепта «Память» функционируют лексемы с семантикой запоминания, сохранения / забывания и воспроизведения информации, которые референциально соотносятся с базовыми процессами памяти, выделяемыми в когнитивной психологии.

К основным видам языковых маркеров, репрезентирующих *запоминание информации* как первый процесс, характерный для работы автобиографической памяти, относятся, главным образом, глаголы *sich (D.) etw. merken, sich (D.) etw. einprägen, sich jmdm. eindrücken* (в значении «запечатлеться в памяти») и их производные.

Глагол *sich jmdm. eindrücken* употребляется в одном из эпизодов классической автобиографии И. В. Гёте «*Dichtung und Wahrheit: Aus meinem Leben*», в котором великий немецкий писатель упоминает о том, какое неизгладимое впечатление оказали на детскую душу гравюры с видами Рима, развешанные в доме его отцом – горячим поклонником Италии:

Hier sah ich täglich die Piazza del Popolo, das Coliseo, den Petersplatz, die Peterskirche von außen und innen ... Diese Gestalten drückten sich tief bei mir ein ... (J. W. Goethe).

При передаче процесса *сохранения информации* в текстах ИОПРД употребляются глаголы *sich erinnern, sich entsinnen, gedenken* в значении «помнить что-л.», глагольные словосочетания с активным и пассивным значением, содержащие базовые существительные *Gedächtnis* и *Erinnerung* или их производные. Поскольку все упомянутые глаголы обладают, помимо семы сохранения информации, семой её воспроизведения, а глагол *gedenken* – и семой припоминания чего-либо, экспликация семы сохранения пережитого в памяти речевого субъекта осуществляется в текстах воспоминаний в результате функционирования этих глаголов в сопровождении лексических маркеров квалификативного характера. Подразумеваемая ситуация наблюдается в цитируемых ниже фрагментах воспоминаний «*Die gerettete Zunge. Geschichte einer Jugend*» Э. Канетти и «*Mein Leben*» великого немецкого композитора Рихарда Вагнера:

In diesem Küchenhof war oft ein Diener, der Holz hackte, und der, an den ich mich am besten erinnere, war mein Freund, der traurige Armenier (E. Canetti);

Ich entsinne mich nur sehr deutlich, daß ich von je mich für die deutsche Oper erklärte ... (R. Wagner).

В роли основного лексического синонима данных глаголов и словосочетаний нередко выступает глагол *wissen*. Особое место в этой

семантической группе занимают отрицательные конструкции, содержащие глагол *vergessen* и его производные.

На синтаксическом уровне экспликация факта сохранения информации в памяти речевого субъекта достаточно часто осуществляется в ситуации синтаксической неиконичности (Кострова, 1986), когда в речевой цепи представление события-следствия предшествует означиванию события-причины. В воспоминаниях К. Манна таким событием-следствием является удержание в памяти одной из вечеринок с американскими друзьями после возвращения молодого писателя из путешествия по Европе, а событием-причиной служит новизна впечатлений от этой первой встречи автора с «новым», «повзрослевшим» Нью-Йорком:

... ich erinnere mich sehr genau daran, vielleicht weil es eine der ersten großen „parties“ war, die ich im „neuen“, wiederentdeckten, erwachsen gewordenen New-York mitmachte (К. Mann).

Процесс *забывания информации* о прошлом отражается в текстах ИОПРД в виде частичного и полного забывания. При этом частичное забывание эксплицируется при помощи не только лексических, но и грамматических средств.

К лексическим актуализаторам *частичного забывания* относятся глаголы и глагольные словосочетания, референциально соотносящиеся с процессом сохранения информации, но употребляющиеся в отрицательных конструкциях или в конструкциях, которые содержат наречия-интенсификаторы, ослабляющие семантику ядерных глаголов, напр.:

Ich weiß nicht genau, wie die allgemeine erste Reaktion war (S. Haffner).

Важную роль играют также модусные глаголы с семантикой доксастической модальной оценки и модальные слова с семой предположительности или неуверенности:

Ich nehme an, daß ich geweint habe ... (M. Maron).

В свою очередь, к грамматическим актуализаторам *частичного забывания* относятся рестриктивные, условные и ирреальные сравнительные придаточные предложения соответствующей семантики, дескрипции квалификативного характера и глагольный предикат, содержащий глагол субъективной модальности и Infinitiv II смыслового глагола, а также конструкции с альтернативным союзом *oder*. Одним из подобных примеров может служить следующий фрагмент текста автобиографии Л. Ренна «*Meine Kindheit und Jugend*»:

Ich fror immer, und meine Erinnerung ist so, als wäre damals nur trübes Wetter gewesen (L. Renn).

Для актуализации феномена *полного забывания* в текстах ИОПРД используются такие языковые средства, как глагол-доминанта *vergessen*, отрицательные конструкции, содержащие глаголы и словосочетания, референциально соотносящиеся с процессами сохранения или воспроизведения информации, глаголы с семантикой утраты, исчезновения, изменения качества чего-либо в сочетании с базовыми существительными *Gedächtnis* и *Erinnerung*, напр.:

Ich erinnere mich Gott sei Dank nicht mehr, wie mir nach dieser Unterredung zumute war ... (E. Bergner);

Meine Großtante ... sang mich oft in den Schlaf mit einem Liede, dessen Worte und Melodie meinem Gedächtnis entfallen (H. Heine).

Что касается характера *воспроизведения информации* о прошлом, то его передают преимущественно глаголы, эксплицирующие особенности процессов воспоминания и припоминания.

Воспоминание о каком-либо событии как непроизвольное и достаточно спонтанное явление актуализируется в текстах ИОПРД глаголами *sich erinnern, sich entsinnen, gedenken / denken* в значении «вспоминать о чём-либо». *Припоминание*, представляющее собой сознательное восстановление определённого фрагмента прошлого, связано с напряжённой ментально-когнитивной деятельностью речевого субъекта, вследствие чего его языковыми актуализаторами служат акциональные глаголы разной степени интенсивности типа *zurückdenken, wachrufen, wieder erleben* и пр.

О возможности тесного взаимодействия механизмов воспоминания и припоминания свидетельствует эпизод из повести Э. Юнгера «*Afrikanische Spiele*», где языковыми маркерами активного характера процесса припоминания, совершающегося в сознании автобиографического повествователя, служат глагол *suchen* как лексический вариант глагола *versuchen*, предваряющий глагол воспоминания *sich entsinnen*, и глагол *sich aufdrängen* в контекстуальном значении «назойливо внедряться в сознание»:

Wenn ich mich heute dieses Gesichtes zu entsinnen suche, drängt sich mir das Bild einer Hand auf, die etwas verschließt ... (E. Jünger).

Лексика с семантикой процессов памяти – запоминания, сохранения / забывания и воспроизведения информации – может встречаться в текстах ИОПРД в составе различных моделей синтетического характера (например, модель «сохранение информации + забывание информации», модель «припоминание информации + частичное забывание информации» и т.д.). Так, в воспоминаниях Г. Гессе об Альберте Вельти встречается модель «полное забывание информации + воспроизведение информации»:

Wann und wo ich zuerst Weltis Namen gehört habe, ist mir nicht erinnerlich. Desto deutlicher erinnere ich mich des ersten Werkes von ihm, das ich sah (H. Hesse).

На **ближней периферии** номинативного поля концепта «Память» располагаются лексико-семантические актуализаторы *периферических видов автобиографической памяти*, а именно визуальной, акустической, кинестетической, эмоциональной и ассоциативной памяти.

Ведущая роль в процессе консервации информации о прошлом принадлежит *визуальной*, или *иконической, зрительной*, памяти, которая актуализируется в текстах воспоминаний посредством глагола (*noch / vor sich / noch vor sich*) *sehen* и словосочетаний *vor Augen sein, stehen* и др. Эти глаголы внедряются с позиций субъекта-реконструктора, как и при описании остальных видов периферической памяти, в претеритальный план

повествования в форме презенса, нередко в составе конструкции *accusativus cum infinitivo*:

Ein weißes Kaschmierkleidchen, ausgenäht mit schmalen roten Borten, wurde mir angelegt. Ein Prachtding: dekolletiert – das Muster der Ausnäherung sehe ich noch vor mir, ich könnte es nachzeichnen ... (В. von Suttner).

Лексическими актуализаторами *акустической*, или *эхоической*, *аудиальной*, *слуховой*, памяти являются глаголы с семантикой слухового восприятия или воздействия на органы слуха (*hören, im Ohr haben, im Ohr klingen* и т.п.). О силе акустических впечатлений, полученных в результате воздействия на автора в детском возрасте речевой личности Р. М. Рильке, пишет в своих воспоминаниях «*Sie schrieben mir oder was aus meinem Poesiealbum wurde*» Бригитта Б. Фишер – дочь знаменитого немецкого книгоиздателя Самуэля Фишера:

Seit ich ihm als Kind begegnet war, ist die Gestalt Rilkes in mir lebendig geblieben ... und seine Worte, seine Musik klingen bis heute mir im Ohr (Brigitte B. Fischer).

Для передачи феномена *кинестетической* памяти, связанной с обонятельными, вкусовыми, тактильными ощущениями, служат глаголы *riechen, duften*, существительные *der Geruch, der Duft*, глаголы *fühlen, spüren* и пр. У фикционального повествователя в повести Г. Гессе «*Demian*» сладостную ностальгию вызывают запахи детства, сохранившиеся в его памяти с десятилетнего возраста:

Wie duftet mir da entgegen und rührt mich von innen mit Weh und mit wohligen Schauern an, dunkle Gassen und helle Häuser und Türme, Uhrschläge und Menschengesichter... Stuben voll Geheimnis und tiefer Gespensterfurcht. Es riecht nach warmer Enge, nach Kaninchen und Dienstmädchen, nach Hausmitteln und getrocknetem Obst (Н. Hesse).

Проявление *эмоциональной* памяти в текстах ИОПРД сопровождается функционированием лексем с семантикой различных чувств и эмоций, при этом более распространёнными являются ситуации, связанные с информацией негативного содержания, что полностью соответствует релевантным данным в сфере современной психологии. Так, источником тяжёлых душевных страданий повествователя на протяжении всей его жизни послужили постоянные размолвки и ссоры родителей, упоминаемые в автобиографии Э. Вихерта «*Wälder und Menschen. Eine Jugend*»:

Noch heute kann ich mich nur mit einem dumpfen Gram jener Stunden erinnern, in denen wir auf die Heimkehr unsres Vaters warteten (E. Wiechert).

Способы актуализации *ассоциативной* памяти предполагают наличие в тексте языковых единиц различной семантики, обусловленной тематическим наполнением конкретного ассоциативного ряда, который существует в сознании субъекта воспоминаний. При ассоциативном воспоминании один образ влечёт за собой другой, о чём упоминается, например, в одном из эпизодов «фиксированных» автобиографических воспоминаний немецкого музыканта М. Вика «*Zeugnis vom Untergang Königsbergs. Ein „Geltungsjude“ berichtet*». Появление в памяти автора картины зимнего катания на санях,

прицепленных к упряжке с лошадьми, вызывает последующее возникновение перед его внутренним взором облика старшей сестры Мириам, которая принимала активное участие в детских забавах брата:

Ich erinnere mich an viel Schnee und Schneeburgen, Schneemänner und große Pferdeschlitten mit Glockengeklingel. Manchmal – einige Zeit später – hängen mehrere Kinderschlitten an so einem Pferdegespann. Meine Schwester Miriam taucht in diesem Zusammenhang auf ... Drei Jahre älter als ich, versteht sie es, den Schlitten, auf dem ich sitze, nachlaufend an solche Schlittenschlangen anzuhakeln (M. Wieck).

Экспликаторы ближней периферии номинативного поля концепта «Память» могут встречаться в текстах ИОПРД как в автономном режиме, так и в сочетании друг с другом, а также в комбинациях с актуализаторами ядерной зоны концепта, что ведёт к формированию разнообразных семантических моделей синтетического характера (например, модель «частичное забывание информации + визуальная память + кинестетическая (обонятельная) память + акустическая память», модель «сохранение информации + воспроизведение информации + акустическая память» и т. д.). В частности, в автобиографическом рассказе Г. Гессе «Aus Kinderzeiten» представлена модель «воспроизведение информации + ассоциативная память + кинестетическая (обонятельная) память + визуальная память»:

Mir ist aus Kinderzeiten her mit dem Geruch des frisch geflügten Ackerlandes und mit dem keimenden Grün der Wälder eine Erinnerung verknüpft, die mich in jedem Frühling heimsucht ... (H. Hesse).

Дальняя периферия полевой структуры концепта «Память» представлена лексемами, не обладающими семантикой запоминания, сохранения / забывания и воспроизведения информации, но приобретающими данную семантику в повествовательной ситуации текстов личных воспоминаний, что даёт основание считать их контекстуальными синонимами ядерных элементов поля концепта. При этом доминирующая роль принадлежит языковым единицам, соотносящимся с процессом воспроизведения информации о прошлом, т.е. с процессами воспоминания и припоминания.

В данной ситуации достаточно употребительными являются глаголы с приставкой *zurück-*, корни которых обладают семой визуального восприятия и движения, глаголы с семантикой изменения качества, утраты, исчезновения чего-либо с характерными приставками *ver-* и *ent-*, а также акциональные глаголы, обозначающие передвижение, перемещение и пр., что подтверждает динамический характер памяти, напр.:

Wenn ich über die Schulter zurückblicke, so sehe ich in meiner Erinnerung die zahlreichen Gesichter politischer Gefangener (G. Weisenborn);

Die bescheidene Wohnung in Schwabing, in der ich geboren wurde, ist längst verblichen: Wir verließen sie, als ich noch ein Baby war (K. Mann).

В целом в качестве экспликаторов дальней периферии номинативного поля концепта «Память» в текстах ИОПРД могут функционировать

словосочетания любых языковых единиц, получающие соответствующую семантику в условиях ретроспективного контекста.

Подводя итоги исследования характера вербализации концепта «Память» как второго идентифицирующего признака текстов ИОПРД, представляется возможным резюмировать, что в данном процессе активно участвуют все единицы, входящие в номинативное поле концепта, в условиях доминирования языковых средств, которые выступают в роли репрезентантов ядра поля.

При этом в качестве ядерных экспликаторов служат существительные *Gedächtnis* и *Erinnerung*, а также языковые единицы (глаголы, глагольные и наречные словосочетания) с семантикой функционирования процессов памяти – запечатления, сохранения / забывания и воспроизведения информации о прошлом опыте. Забывание может быть представлено в форме частичного или полного забывания, а воспроизведение информации связано с процессами воспоминания и припоминания пережитого.

Репрезентантами ближней периферии являются языковые единицы, референциально соотносящиеся с периферическими видами памяти, такими, как визуальная, акустическая, кинестетическая (вкусовая, обонятельная, тактильная), эмоциональная и ассоциативная память.

На дальней периферии поля концепта «Память» располагаются лексемы различной семантики, являющиеся контекстуальными синонимами репрезентантов ядерной зоны концепта и нередко функционирующие в сочетании с ними.

Репрезентантами интерпретационной зоны концепта становятся окказиональные метафоры памяти с семантикой динамики и статики в силу амбивалентного характера самого феномена памяти.

В заключении обобщаются результаты проведённого исследования, которые позволяют получить полное представление о лингвокогнитивных и текстотипологических параметрах немецкоязычного ретроспективного дискурса и сделать релевантные выводы о целесообразности дальнейших научных разработок в данном направлении на материале других языков.

Следует констатировать, что способность помнить и потребность вспоминать составляют фундаментальную основу всей жизнедеятельности человека. Постоянная опора на прошлый опыт и принятие решений в настоящем, актуальных для будущего, свидетельствуют о важности памяти как инструмента когниции, позволяющего поддерживать взаимосвязь онтологически обусловленных темпоральных координат, которые структурируют существование как отдельного индивида, так и целого социума.

В силу данного обстоятельства проблемы памяти и времени относятся к актуальным объектам современных гуманитарных научных исследований. В последние десятилетия особый вклад в изучение этих феноменов внесла когнитивная лингвистика, активно изучающая вопросы категоризации и концептуализации человеком окружающей действительности.

Вербализация концепта «Память» как одного из основополагающих концептов в универсальной картине мира находит наиболее яркое воплощение в текстах, формирующихся в результате ретроспективно направленной ментально-когнитивной деятельности речевого субъекта, главной интенцией которого является реконструкция прошлого опыта, пережитого лично или относящегося к коллективному достоянию общества.

Поскольку любой текст является результатом дискурсивной деятельности речевого субъекта, функционирование текстов с ретроспективной направленностью даёт основание для вычленения в совокупном полидискурсивном пространстве особого типа дискурса, а именно ретроспективного дискурса.

В практике литературной коммуникации ретроспективный дискурс представлен двумя подтипами – индивидуально обусловленным и коллективно обусловленным, что вызвано особенностями реализации в процессе текстопорождения различных видов памяти. Индивидуально обусловленный подтип ретроспективного дискурса (ИОПРД) возникает в ходе активации субъектом речевой деятельности механизмов личностной, или автобиографической, памяти. При апелляции субъекта к фрагментам коллективного прошлого опыта, или коллективной памяти, тиражируемой в форме культурной памяти, структурируется коллективно обусловленный подтип подразумеваемого типа дискурса (КОПРД).

На фоне существующего жанрово-типологического разнообразия текстов обоих подтипов можно констатировать, тем не менее, наличие иерархически структурированной системы общих признаков, позволяющих объединять эти тексты в пределах семантического пространства ретроспективного дискурса. Такие признаки носят облигаторный характер и относятся к конституирующим признакам, свидетельствующим о внутренней целостности и стабильности данного типа дискурса.

В качестве конституирующих признаков, отражающих константные динамические особенности структурирования ретроспективного дискурса, следует назвать ретроспективный характер когнитивной деятельности речевого субъекта и функционирование различных видов памяти, обуславливающее формирование двух основных подтипов данного типа дискурса. Результативными, т.е. статическими, показателями, относящимися к конституирующим признакам ретроспективного дискурса, следует считать типологическую амбивалентность и лимитированный характер жанрового репертуара текстов, циркулирующих в его семантическом пространстве.

В соответствии с задачами, сформулированными во введении к диссертационному сочинению, в ходе исследования была проведена работа по выявлению и лингвокогнитивной интерпретации ряда дифференцирующих признаков ретроспективного дискурса, которые способствуют разграничению его индивидуально обусловленного и коллективно обусловленного подтипов при их текстовой реализации. Основой для подобной делимитации служит исходная семантическая оппозиция «облигаторность проявления признака – флуктуация признака в тексте».

В условиях индивидуально обусловленного подтипа ретроспективного дискурса был зафиксирован факт перманентного проявления дифференцирующих признаков в соответствующих текстах, в то время как в сфере коллективно обусловленного подтипа эти признаки носят явно выраженный флюктуирующий характер. В данном случае речь идёт о таких параметрах, как акт самопрезентации речевого субъекта, двухмерность темпорального текстового континуума и синкретический характер репрезентированной в текстах языковой картины мира.

На основе зафиксированной в ходе анализа языкового материала оппозиции «наличие признака – отсутствие признака в тексте» был выявлен ряд идентифицирующих признаков, релевантных исключительно для индивидуально обусловленного подтипа ретроспективного дискурса и, соответственно, дающих возможность однозначной идентификации данного подтипа в совокупном пространстве ретроспективного дискурса. Эти признаки включают в себя репрезентированные в подразумеваемых текстах онтологически обусловленное расслоение речевого субъекта и вербализацию концепта «Память».

Поскольку концепт «Память» обладает полевой структурой, анализ компонентов его номинативного поля, реализующихся в текстах воспоминаний, осуществлялся в исследовании по отдельным уровням. Специальное внимание было уделено рассмотрению ядерной зоны, лексико-семантическому составу ближней и дальней периферий, а также интерпретационной зоне концепта, основными экспликаторами которой являются окказиональные индивидуально-авторские метафоры памяти.

Обращает на себя внимание факт полного соответствия языковых закономерностей, выявленных в ходе исследования текстов с ретроспективной направленностью, научным данным, полученным учёными-психологами в области феноменологии памяти. Все процессы памяти – запоминание информации, сохранение / забывание (частичное и полное) информации, воспроизведение информации (воспоминание и припоминание) – находят своё адекватное отражение в материале исследования, что позволяет получить достаточно полное представление о лексико-семантическом репертуаре языковых единиц, формирующих номинативное поле концепта «Память», репрезентированного в немецкоязычных текстах ретроспективного дискурса

Таким образом, в результате проведённого исследования была полностью подтверждена гипотеза о существовании в глобальном полидискурсивном пространстве особого дискурсивного типа – ретроспективного дискурса, обладающего автономным и регламентированным статусом. Научным обоснованием данного факта служит зафиксированное в процессе работы наличие чётко структурированной, иерархически организованной системы конституирующих, дифференцирующих и идентифицирующих признаков ретроспективного дискурса, которые находят языковое воплощение в

реализующих его нефикциональных и фикциональных текстах специфических жанровых разновидностей.

Выявленный в ходе работы богатый семантический и лингвокогнитивный потенциал текстов с ретроспективной направленностью подтверждает актуальность изучения данного типа дискурса в русле совокупных междисциплинарных исследований и перспективность его дальнейшего комплексного осмысления на материале разных языков.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях:

1. Публикации в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ

1. Бондарева, Л.М. Способы языковой манифестации ментально-когнитивной деятельности повествователя в текстах немецких автобиографий / Л.М. Бондарева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 2-3. – С. 78-85 (0,5 п.л.).

2. Бондарева, Л.М. К проблеме организации текстового пространства в немецкоязычном автобиографическом дискурсе / Л.М. Бондарева // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2: Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2006. – С. 69-74 (0,4 п.л.).

3. Бондарева, Л.М. О роли субъективного фактора в речи / Л.М. Бондарева // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2: Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2007. – С. 49-54 (0,4 п.л.).

4. Бондарева, Л.М. Писательский диаристический дискурс с позиций теории интердискурсивности / Л.М. Бондарева, О.В. Петешова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2: Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2008. – С. 60-66 (0,46 авт. п.л.).

5. Бондарева, Л.М. К метафорике памяти (статический и динамический аспекты) / Л. М. Бондарева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – № 4. – С. 70-78 (0,6 п.л.).

6. Бондарева, Л.М. Роль фактора воспоминаний в формировании художественной картины мира в текстах австрийских модернистов (на материале произведений А. Шницлера) / Л.М. Бондарева, В.Г. Мананникова // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. Вып. 2: Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. – С. 14-19 (0,38 авт. п.л.).

7. Бондарева, Л.М. К вопросу об иерархическом характере репрезентации единиц категории «память» в текстах немецких автобиографий / Л.М. Бондарева, А.С. Молчанова // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2: Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2011. – С. 13-18 (0,37 авт. п.л.).

8. Бондарева, Л.М. Особенности реконструктивной деятельности профессионального писателя в условиях ретроспективного дискурса / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2013. – С. 29-35 (0,5 п.л.).

9. Бондарева, Л.М. Прагматические функции слов-реалий в ретроспективном дискурсе / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2. Серия «Филологические науки». – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2014. – С. 15-21 (0,5 п.л.).

10. Бондарева, Л.М. Особенности вербализации концепта «Память» в немецком языке / Л.М. Бондарева // Известия Смоленского государственного университета: Ежеквартальный журнал. – Смоленск: Изд-во Смоленского государственного университета, 2014. – № 3 (27). – С. 75-82 (0,5 п.л.).

11. Бондарева, Л.М. К проблеме интерпретации концепта «Пространство» в отечественной и зарубежной лингвистике / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2: Филологические науки. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2015. – С. 23-30 (0,5 п.л.).

12. Бондарева, Л.М. Способы экспликации концепта «ДРУГИЕ» в романе-ретроспективе Джоди Пиколт «Nineteen minutes» / Л.М. Бондарева, М. В. Князева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. – № 6 (60): в 3-х ч. Ч. 3. – С. 72-74 (0,28 авт. п.л.).

13. Бондарева, Л.М. Языковые особенности автобиографии Берты фон Зутнер «Lebenserinnerungen» в свете гендерных исследований / Л.М. Бондарева, Л.А. Кремер (Кесслер) // Вестник Удмуртского государственного университета. Серия: История и филология. – Т. 26. – Вып. 3. – Ижевск: Изд-во Удмуртского государственного университета, 2016. – С. 102-106 (0,38 авт. п.л.).

14. Бондарева, Л.М. Антропонимы как актуализаторы культурной памяти в текстах сказаний / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – № 2. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2017. – С. 5-11 (0,5 п.л.).

15. Бондарева, Л.М. Историография и литература: союз или симбиоз? / Л.М. Бондарева // Слово.гу: Балтийский акцент. – Т. 8. – № 2. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2017. – С. 66-75 (0,6 п.л.).

16. Бондарева, Л.М. Особенности структурирования темпорального континуума текстов воспоминаний / Л.М. Бондарева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – № 2. – Пермь: Изд-во Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2017. – С. 8-16 (0,6 п.л.).

17. Бондарева, Л.М. Способы экспликации автобиографической памяти в текстах рассказов Г. Гессе / Л.М. Бондарева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. – № 2. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2018. – С. 28-34 (0,4 п.л.).

18. Бондарева, Л.М. Когнитивный потенциал метафор памяти в текстах немецкоязычных воспоминаний / Л.М. Бондарева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – № 4. – Тамбов: Грамота, 2019. – С. 20-23 (0,3 п.л.).

II. Публикации в других научных изданиях

19. Bondareva, L. Sprachliche Ausdrucksmittel der Wechselbeziehungen zwischen dem erzählenden Subjekt und dem dargestellten Subjekt in Memoirentexten / L. Bondareva // Das Wort. Germanistisches Jahrbuch – 95. – Moskau: DAAD-Verlag; 1995. – S. 183-189 (0,5 п.л.).

20. Бондарева, Л.М. О некоторых закономерностях языкового структурирования текстов автобиографий в свете когнитивной психологии / Л.М. Бондарева // Языковая картина в зеркале семантики, прагматики текста и перевода / Studia Linguistica. VII. – СПб.: Тригон, 1998. – С. 228-234 (0,4 п.л.).

21. Бондарева, Л.М. Проблематика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности / Л.М. Бондарева // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 1999. – С. 24-29 (0,3 п.л.).

22. Бондарева, Л.М. Мнемонические процессы и их речевое воплощение в немецкоязычных автобиографических текстах / Л.М. Бондарева // Когнитивно-коммуникативные аспекты филологических и методических исследований: материалы международной научной конференции. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2001. – С. 71-75 (0,3 п.л.).

23. Бондарева, Л.М. Особенности оценочной деятельности повествователя в текстах ретроспективной направленности / Л.М. Бондарева // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2001. – С. 38-45 (0,5 п.л.).

24. Бондарева, Л.М. Забывание как объект когнитивного анализа в немецкоязычных автобиографиях / Л.М. Бондарева // Пелевинские чтения – 2001. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2002. – С. 27-35 (0,6 п.л.).

25. Бондарева, Л.М. Когнитивная ретроспективная деятельность повествователя в автобиографическом дискурсе (на примере анализа немецких мемуарно-автобиографических текстов) / Л.М. Бондарева // Текст – Дискурс – Стил: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2003. – С. 90-100 (0,6 п.л.).

26. Бондарева, Л.М. Авторское «Я» как субъект и объект когнитивной деятельности в текстах (на материале мемуарной литературы) / Л.М. Бондарева // На стыке парадигм лингвистического знания в начале XXI века: грамматика, семантика, словообразование: материалы международной научной конференции. – Калининград: Изд-во Калининградского государственного университета, 2003. – С. 102-111 (0,6 п.л.).

27. Бондарева, Л.М. Особенности языковой картины мира в ретроспективном дискурсе (на материале немецкоязычной автобиографии Ф. Левальд «Meine Kinderjahre») / Л.М. Бондарева // *Studia Linguistica*. XII. Перспективные направления современной лингвистики: Сборник научных трудов. – СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, 2003. – С. 233-243 (0,7 п.л.).

28. Бондарева, Л.М. «Поэзия и правда» в историографических текстах / Л.М. Бондарева // Текст – Дискурс – Стилль: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2004. – С. 154-162 (0,5 п.л.).

29. Бондарева, Л.М. Онтологическая гетерогенность языковой картины мира в автобиографическом дискурсе / Л.М. Бондарева // *Германистика: состояние и перспективы развития*. Тезисы докладов международной конференции, посвящённой памяти профессора О.И. Москальской. 24-25 мая 2004 г. – М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 2004. – С. 27-29 (0,2 п.л.).

30. Бондарева, Л.М. Языковая личность в автобиографическом дискурсе / Л.М. Бондарева // *Фундаментальные и прикладные исследования в системе образования: материалы 2-й международной научно-практической конференции*. Ч. 4. / отв. ред. Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2004. – С. 72-74 (0,2 п.л.).

31. Бондарева, Л.М. Автобиографический дискурс в свете гендерных исследований / Л.М. Бондарева // *Интерпретация. Понимание*. Перевод: Сборник научных статей. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 2005. – С. 214-223 (0,6 п.л.).

32. Бондарева, Л.М. Память как объект когнитивных исследований / Л.М. Бондарева // *Реальность, язык и сознание: Международный межвузовский сборник научных трудов*. Вып.3 / отв. ред. Т.А. Фесенко; Редколл.: В.А. Виноградов, Б. Стефаник; Федеральное агентство по образованию, Институт языкознания Академии наук; Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина; Университет г. Билефельд (ФРГ). – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина, 2005. – С. 153-159 (0,5 п.л.).

33. Бондарева, Л.М. О некоторых закономерностях структурирования языковой картины мира в тексте автобиографии И.В. Гёте «Aus meinem Leben. Dichtung und Wahrheit» / Л.М. Бондарева // *Язык. Человек. Общество: Международный сборник научных трудов (к 60-летию профессора*

В.Т. Малыгина). – СПб. – Владимир: Изд-во Владимирского государственного университета, 2005. – С. 208-215 (0,5 п.л.).

34. Бондарева, Л.М. Лингвистические и когнитологические аспекты автобиографической памяти / Л.М. Бондарева // Пелевинские чтения – 2005: межвузовский сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2006. – С. 217-221 (0,3 п.л.).

35. Бондарева, Л.М. Социокультурные и гендерные аспекты автобиографии Ф. Левальд «Meine Lebensgeschichte» / Л.М. Бондарева // Материалы XXXV международной филологической конференции 13-18 марта 2006 г. Вып. 14: История зарубежных литератур: национальное, транснациональное, универсальное. – СПб.: Изд-во филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 2006. – С. 94-96 (0,2 п.л.).

36. Бондарева, Л.М. Ретроспекция как когнитивная категория / Л.М. Бондарева // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сборник материалов 26-28 сентября 2006 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Федеральное агентство по образованию, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2006. – С. 229-232 (0,2 п.л.).

37. Бондарева, Л.М. Коммуникативно-прагматические аспекты текстов ретроспективного дискурса / Л.М. Бондарева // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: Сборник статей по материалам международной научной конференции, г. Киров, 6-7 декабря 2006 г. / отв. ред. В.Н. Оношко. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2006. – С. 319-323 (0,4 п.л.).

38. Бондарева, Л.М. Фактор субъекта коммуникативной деятельности в теоретическом наследии Э.Г. Ризель / Л.М. Бондарева // Эвристический потенциал концепций профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс: тезисы докладов международной научной конференции памяти профессоров Э.Г. Ризель и Е.И. Шендельс. 19-22 октября 2006 г. – М.: Изд-во Московского государственного лингвистического университета, 2006. – С. 47-48 (0,2 п.л.).

39. Бондарева, Л.М. К проблеме языковой картины мира в немецкой лингвистике / Л.М. Бондарева // Язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей I международной конференции. 23 января 2007 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С. 162-164 (0,2 п.л.).

40. Бондарева, Л.М. К понятиям «познание – когниция – знание» с позиций когнитивной лингвистики / Л.М. Бондарева // Филология и культура: Материалы VI международной научной конференции 17-19 октября 2007 г. / отв. ред. Н.Н. Болдырев; Редколл.: В.А. Виноградов, Е.С. Кубрякова, Н.Л. Потанина и др.; Федеральное агентство по образованию, Институт языкознания Российской Академии наук, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Общероссийская общественная организация «Российская ассоциация лингвистов-когнитологов». – Тамбов: Изд-во

Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, 2007. – С. 159-162 (0,2 п.л.).

41. Бондарева, Л.М. К проблеме типологии дискурса / Л.М. Бондарева // Основные проблемы современного языкознания: Сборник статей Всероссийской конференции (с международным участием), 29 мая 2007 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Изд-во «Сорокин Роман Васильевич», 2007. – С. 6-9 (0,3 п.л.).

42. Бондарева, Л.М. Тексты ретроспективного дискурса как феномен культурной памяти / Л.М. Бондарева // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики: Сборник статей I международной конференции, посвящённой 75-летию Астраханского государственного университета. 15 октября 2007 г. / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2007. – С. 10-12 (0,2 п.л.).

43. Бондарева, Л.М. Аксиологические аспекты изучения текстов «литературы воспоминаний» / Л.М. Бондарева // Ценности современной науки и образования: материалы международной научно-теоретической конференции (г. Киров, Вятский гуманитарный государственный университет, 3-4 апреля 2008 г.): в 2 т. Т.1. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2008. – С. 114-118 (0,3 п.л.).

44. Бондарева, Л.М. Особенности формирования концепта «Прошлое» в условиях ретроспективного дискурса / Л.М. Бондарева // Записки по германистике и межкультурной коммуникации: межвузовский сборник научных трудов. Вып. III. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2008. – С. 58-67 (0,6 п.л.).

45. Бондарева, Л.М. Темпоральные метафоры как средство языковой репрезентации концепта «Время» / Л.М. Бондарева // Проблемы современного языкознания: Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), 30 сентября 2008 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Смирнова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 80-85 (0,4 п.л.).

46. Бондарева, Л.М. Текст и дискурс как понятийные категории / Л.М. Бондарева // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г.Н. Манаенко. Вып. 7. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского государственного педагогического института, 2009. – С. 91-97 (0,5 п.л.).

47. Бондарева, Л.М. Образ времени в текстах немецкоязычных автобиографий / Л.М. Бондарева // Пелевинские чтения – 2009: Межвузовский сборник научных трудов. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2009. – С. 141-145 (0,3 п.л.).

48. Бондарева, Л.М. Языковые аспекты исторического времени в немецкоязычных мемуарах / Л.М. Бондарева // Записки по германистике и межкультурной коммуникации: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. IV. – Пятигорск: Изд-во Пятигорского государственного лингвистического университета, 2009. – С. 37-43 (0,5 п.л.).

49. Бондарева, Л.М. Изменяющийся образ времени в западноевропейской автобиографии (диахронический аспект) / Л.М. Бондарева // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: материалы международной научной конференции, г. Киров, 8-9 апреля 2010 г. / отв. ред. В.Н. Оношко. – Киров: Изд-во Вятского государственного гуманитарного университета, 2010. – С. 44-47 (0,3 п.л.).

50. Бондарева, Л.М. Способы репрезентации христианской модели времени в немецкоязычных текстах XVII-XVIII в.в. / Л.М. Бондарева // Модели в современной науке: единство и многообразие: Сборник научных трудов / под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. – Калининград: Изд-во Российского государственного университета им. И. Канта, 2010. – С. 193-198 (0,4 п.л.).

51. Бондарева, Л.М. Темпоральные метафоры в лексико-фразеологической системе немецкого языка / Л.М. Бондарева // Язык. Человек. Общество: Международный сборник научных трудов (к 65-летию профессора В.Т. Малыгина). – Санкт-Петербург – Владимир: Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена; Владимирский государственный гуманитарный университет, 2010. – С. 219-227 (0,5 п.л.).

52. Бондарева, Л.М. Лексема Zeit в контексте корпусных исследований немецкого языка / Л.М. Бондарева // Слово в динамике: Сборник научных трудов. – Тверь: Изд-во Тверского государственного университета, 2010. – С. 5-13 (0,6 п.л.).

53. Бондарева, Л.М. Автобиографический дискурс К. Вольф в ретроспективном аспекте / Л.М. Бондарева, М.В. Захарова // Язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей IV международной научно-практической конференции 15 марта 2011 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Багринцева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2011. – С. 31-35 (0,28 авт. п.л.).

54. Бондарева, Л.М. Прагматические аспекты оценочной деятельности речевого субъекта в текстах немецкоязычных мемуарных литературных портретов / Л.М. Бондарева // Современный немецкий язык в свете проблем прагмалингвистики: Международная научная конференция, г. Москва, Московский государственный педагогический университет, 26-27 апреля 2012 г.: Сборник научных статей к юбилею профессора Милосердовой Е.В. / отв. ред. Л.А. Нефёдова. – М.: МАКС Пресс, 2012. – С. 91-98 (0,5 п.л.).

55. Бондарева, Л.М. Особенности языковой картины мира в историографическом дискурсе / Л.М. Бондарева // Язык и межкультурная коммуникация: Сборник статей VI международной научно-практической конференции, 2-3 мая 2012 г., г. Астрахань / сост. О.Б. Багринцева. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2012. – С. 6-10 (0,3 п.л.).

56. Бондарева, Л.М. Типологические признаки ретроспективного дискурса как гетерогенного речевого феномена / Л.М. Бондарева // Русская

германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 10. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – С. 353-360 (0,5 п.л.).

57. Бондарева, Л.М. Принципы организации коммуникативного пространства ретроспективного дискурса / Л.М. Бондарева // Коммуникация как предмет междисциплинарных исследований: Сборник научных трудов: в 2 ч. Ч.1 / под ред. С.С. Ваулиной. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2012. – С. 231-237 (0,4 п.л.).

58. Бондарева, Л.М. К проблеме типологии текстов «литературы воспоминаний» / Л.М. Бондарева // Основные вопросы педагогики, психологии, лингвистики и методики преподавания в образовательных учреждениях: Сборник статей международной научно-практической конференции (Знаменск, 15 декабря 2013 г.) / сост. Р.Р. Бикешева, О.В. Чувашова. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2013. – С. 19-24 (0,4 п.л.).

59. Бондарева, Л.М. Ретроспективный дискурс как транслятор культурной памяти / Л.М. Бондарева // Эволюция и трансформация дискурсов: языковые, филологические и социокультурные аспекты: Сборник материалов научной конференции с международным участием (Самара, 14-15 марта 2014 г.) / отв. ред. С.И. Дубинин, В.Д. Шевченко. – Самара: Изд-во ООО «Инсома пресс», 2014. – С. 136-143 (0,5 п.л.).

60. Бондарева, Л.М. Ещё раз к проблеме концептуализации пространства и времени / Л.М. Бондарева // Materials of the X International scientific and practical conference „Trends of modern science” – 2014. Vol. 15. Philological sciences. – Sheffield: Science and education LTD, 2014. – P. 71-75 (0,3 п.л.).

61. Бондарева, Л.М. Время и пространство в зеркале языка / Л.М. Бондарева // Перспективы развития науки и образования: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции, 1 июля 2014 г. В 5 частях. Ч. I. – М.: «АР-Консалт», 2014. – С. 68-71 (0,3 п.л.).

62. Bondareva, L. Mensch und Geschichte in den Erinnerungen von L. Renn / L. Bondareva // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 12. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 58-65 (0,5 п.л.).

63. Бондарева, Л.М. К вопросу лингвистического пространственно-временного состояния / Л.М. Бондарева // Актуальные вопросы современных гуманитарных наук: Сборник научных трудов по итогам международной научно-практической конференции. Вып. 3. – Екатеринбург: ИЦРОН, 2016. – С. 67-69 (0,3 п.л.).

64. Бондарева, Л.М. О видах социальной памяти с позиций филолога / Л.М. Бондарева // Гуманитарные науки: научные приоритеты учёных: Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (г. Пермь, 2016 г.). – 2016. – № 1. – С. 23-27 (0,4 п.л.).

65. Бондарева, Л.М. К проблеме классификации текстов немецкоязычных автобиографий / Л.М. Бондарева // Альманах мировой науки: Научный журнал. – Люберцы, 2016. - № 12-1 (15). – С. 79-83 (0,3 п.л.).

66. Бондарева, Л.М. Проблемы интерпретации лингвокогнитивного аспекта текстов немецкоязычных воспоминаний / Л.М. Бондарева // От дифференциации наук к трансдисциплинарности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой 250-летию Александра фон Гумбольдта (Абакан, 25-27 сентября 2019 г.) / отв. ред. И.П. Амзаракова. – Абакан: Изд-во ФГБОУ ВО «Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова», 2019. – С. 116-119 (0,3 п.л.).

III. Монографии

67. Текст – дискурс – стиль в современной этнокультуре Германии: Монография / Е.А. Гончарова, Л.М. Бондарева, А.Л. Вольский, А.И. Жеребин, Л.М. Нюбина и др. – СПб.: Изд-во Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, 2012. – 300 с. (1 авт. п.л.).

68. Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Репрезентация концепта времени в русском языке в сопоставлении с английским и немецким языками: Монография / В.И. Заботкина, Г.И. Берестнев, Л.М. Бондарева, Н.В. Данилюк-Ресслер, М.Н. Коннова и др. / под общ. ред. В.И. Заботкиной. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. – 472 с. (3 авт. п.л.) (публикация монографии осуществлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 07-04-00130а «Россия: изменяющийся образ времени сквозь призму языка. Контрастивный анализ данных русского, английского и немецкого языков»).

69. Художественное слово в пространстве культуры: проблемы игрового начала: коллективная монография / Ю.Л. Цветков, И.С. Киселёва, В.Н. Ахтырская, Л.М. Бондарева, В.В. Малащенко и др. / отв. ред.: Ю.Л. Цветков, И.С. Киселёва. – Иваново: Изд-во Ивановского государственного университета, 2013. – 274 с. (0,9 авт. п.л.) (монография удостоена диплома лауреата Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу 2013 г.).

70. Бондарева, Л.М. Ретроспекция как фактор структурирования дискурса и текста: монография / Л.М. Бондарева. – Калининград: Изд-во Балтийского федерального университета им. И. Канта, 2019. – 295 с. (18,4 п.л.).

Отзывы на автореферат в двух экземплярах с указанием фамилии, имени, отчества, почтового адреса, адреса электронной почты, наименования организации, должности лица, составившего отзыв, подписанные и заверенные печатью, просим направлять по адресу:

164500 Архангельская область, г. Северодвинск, ул. Капитана Воронина, д. 6, Филиал САФУ имени М. В. Ломоносова в г. Северодвинске (научный отдел).